

[Polaris]

Е. И Т. КАРДИНАЛОВСКИЕ

**ГИБЕЛЬ СЧАСТЛИВОГО
ГОРОДА**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXLIII

Salamandra P.V.V.

**Елизавета и Татьяна
КАРДИНАЛОВСКИЕ**

**ГИБЕЛЬ СЧАСТЛИВОГО
ГОРОДА**

Фантастические рассказы
и повесть

Salamandra P.V.V.

Кардиналовская Е. М., Кардиналовская Т. М.

Гибель Счастливого города: Фантастические рассказы и повесть. Пер. с укр. С. Гоголина, М. Фоменко. Илл. А. Старчевского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 88 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХLIII).

Сестры Елизавета и Татьяна Кардиналовские вписали краткую, но яркую страницу в историю украинской научной фантастики. В книгу вошли созданные ими в 1920-х годах произведения: совместно написанная повесть «Солнца!» и рассказы Е. Кардиналовской «Гибель Счастливого города» и «Ошибка». Все включенные в книгу произведения впервые переведены на русский язык.

© Authors, estate, 2016

© S. Gogolin, M. Fomenko, переводы, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

А. СТОРЖЕНКО.

Е. Кардиналовская

**ГИБЕЛЬ СЧАСТЛИВОГО
ГОРОДА**

В кабинете тяжелая резная мебель. На всем отпечаток безвкусной пышности и графарета моды.

Арк чувствовал, что его история выглядела здесь слишком невероятной. На золотых изделиях ставят пробу, чтобы удостовериться их стоимость — но на сокровище Арка никакой пробы не имелось.

Два равнодушных человека, сидевшие напротив за столом, казалось, не верили ни единому его слову. Арк видел, как погибала надежда заставить их поверить в найденное чудо. В руках этих тупиц была его слава, его богатство.

И Арк с трепетом раскрывал перед ними тайну далекого острова Редрот. Карандашом он намечал на карте путь к неведомому и желанному.

— Начиная отсюда, — Арк на мгновение задержал карандаш, — путь становится труден и опасен, и пароходы круто забирают к северу. Круг подводных скал окружает остров и делает его неприступным со стороны моря. Второй путь — воздушный, но здесь другое препятствие заставляет авиаторов далеко огибать остров. Полупогасший вулкан выбрасывает клубы удушливого газа, отравляя атмосферу на много миль вокруг. Именно эта недоступность для исследований породила в научном мире ложные представления об острове. В действительности, ядовитые легкие газы из жерла вулкана, поднимаясь вверх, никак не отравляют воздух на самом острове и позволяют существовать там целому народу. Остров Редрот — маленький замкнутый мир — осколок погибшего много веков назад материка. Судьба была благосклонна ко мне: в мягкой кабине разбитого аэроплана, с раной на голове и отравленными газом легкими — я, тем не менее, остался жив. Я знаю, на каких шатких основаниях зиждется мое предложение. Знаю, что любой ученый сочтет мое открытие сказкой, ибо единственное доказательство, которое у меня есть — ничтожная горстка золотого песка.

Арк высыпал на стол из кожаного мешочка блестящие желтые песчинки. Это была его последняя ставка.

Тяжелая пауза, остановив дыхание, повисла в комнате. Арк в отчаянии поглядел на окно, где билась о стекло боль-

шая зеленая муха, и улыбнулся ей с сочувствием, подумав про общность их судьбы. Дорогу в лучезарный мир ему преграждала тупость двух людей.

Но когда алчные пальцы начали взвешивать, щупать золотой песок — Арк понял, что угодил в цель.

— Тридцать, сорок процентов чистого золота!

— О, не меньше! Это совершенно невероятно, абсолютно неслыханно, — и на Арка посмотрели две пары ошалевших глаз.

Приободрившись, он продолжал:

— Жизнь этого острова непостижима, парадоксальна. Она вверх ногами переворачивает все представления о стадиях развития человеческой культуры. История нашей культуры знает пар, электричество, радио, и только сейчас мы начинаем искать законы использования атомной энергии. Электричества на острове, например, никогда не знали. Через него просто переступили. Подобно тому, как первобытный человек, не ведая законов физики и химии, пришел к величайшему в мире изобретению — способу добычи огня, на острове открыли закон использования атомной энергии. Но в ее широком приложении маленький мирок не нуждается.

Их культура не похожа ни на какую другую. Я могу также сказать...

— О золоте, Арк, о золоте, — нетерпеливо перебил лоснящийся и лысый Голлар.

— Нас интересует... ведь цель нашего совещания... нашей будущей экспедиции... — смешался другой.

— Вам, Арк — слава открытия, ученые степени, а нам — золотые пески Редрота, — сверкая золотом зубов, снова перебил Голлар.

Арк видел перед собой напряженные от жадности лица. Деревянные львы на поручнях кресел хищно скалили зубы.

Арк понял, что продал Редрот, но надежды на славу пробудили в нем тщеславие человека, до сих пор не знавшего успеха. Судьбу маленького мира решили тупая жадность двух финансистов и гордыня Арка.

— На этой золотоносной почве, — сказал Арк, безразлично положив на ладонь блестящие зерна, — построен город, единственный город маленького материка — Ао-Гол, что на их языке означает «Счастливым город». Гигантская дамба тянется на много миль, окружая остров и защищая его от наступления океана. Она содержит огромный процент золота. Почти все золото Редрота сосредоточено здесь. Это единственное применение, какое нашли островитяне для драгоценного металла.

Арк поднял глаза и увидел, что Голлар слушает, напряженно разинув рот. Синий сигарный дым прозрачным сиянием вился вокруг его лысого черепа, и Арк подумал, что он подобен Маммоне на картине Уоттса*. Ощувив брезгливость, он сбросил с ладони желтые крошки, и на миг в нем вспыхнуло желание подразнить, вывести из себя этих самоуверенных людей. Они уже считали Арка с его бесценным сокровищем своей собственностью, и он мог бы разрушить их мечты, стоило ему отказаться от их помощи, от плана экспедиции, навсегда скрыть одному ему известную тайну пути к острову Редрот.

На один миг...

Арк схватился рукой за сердце, почувствовав почти физическую боль. Муха все же была счастливее его — она уже не билась о стекло, а нашла другой выход и устремилась к манящей цели. У Арка другого выхода не было.

— Ну, — нетерпеливо повел плечом Голлар, а Сервик напряженно вытянулся вперед.

— Смешнее всего, — заговорил Арк, — что этих людей совсем не интересует золото. Они даже не изготавливают украшений из золота, так как считают его желтый блеск вульгарным и неприятным для глаз. О деньгах они не имеют никакого представления. Когда я показал им несколько мо-

* Маммона — в Новом Завете олицетворение земных благ и богатств. Имеется в виду известная картина английского скульптора и художника-символиста Дж. Ф. Уоттса (1817-1904) «Маммона» (1884-85). (Здесь и далее прим. перев.).

нет, заваливавшихся в карманах одежды, и сказал, что на эти кругляшки у нас можно приобрести все, что угодно, они покатались со смеху. Они никак не могли понять, для чего нужны эти игрушки и что делает с ними тот, кто получает их взамен какого-нибудь изделия или полезной вещи. Для них совершенно непонятна громадная условная ценность золота.

Они приносили мне отшлифованные волнами самородки и улыбались при виде моей страсти и жадности. Я сложил гору золота в большой бассейн. Я упивался блеском сокровищ, считая себя первейшим в мире Крезом.

Но со временем эта масса золота и безразличие к нему островитян притупили мою жадность. Часто, лежа на берегу, я развлекался, рикошетом бросая в воду камешки — все равно, плоскую гальку или тяжелый самородок. Изобилие золота уничтожило для меня очарование богатства.

Только мысль о возвращении, о моем сенсационном открытии, о славе не давала мне покоя. Воздух и вода — я мог бы воспользоваться этими путями. Но жители острова не знали полета. Небо над ними было отравлено, и птицы на Редроте не жили. Я не видел там ни одного крылатого существа. Воздух оставался непрístupен. А подводные скалы, где волны бурлили и кипели, образуя водовороты, грозили разбить в щепы любое судно, осмелившееся прорвать осаду.

Счастливым город сделался для меня ненавистной тюрьмой.

И наконец я решился.

Я взял золота столько, сколько мог вместить легкий парусник — единственное, чем пользовались островитяне на воде.

Мой план был несложен. Я надеялся выбраться из грозного круга рифов, выйти в открытое море и встретить пароход, который подберет меня и отвезет на материк.

Судьба и на этот раз мне улыбнулась.

Правда, в море я оказался на крепко сбитом днище парусника; от бортов остались одни обломки, не было ни капли питьевой воды. Пришитый к поясу мешочек с горсткой

этого песка — вот и все, что осталось от моего богатства. К счастью, ветер нес меня на север. Много, много дней спустя, — я потерял сознание и я не считал их, — меня подобрал пароход «Рейл». Я сочинил какую-то правдоподобную историю, зная, что подлинной никто не поверит. Наука требует точных доказательств, а у меня не было ничего...

— Однако этот путь для экспедиции кажется мне довольно неудобным, — деловито прервал его Голлар.

— Да... знаете, не совсем... того... удобно... — пробормотал Сервик.

Арк усмехнулся.

— Здесь, — указал он на карту, — сплошная полоса рифов почти прерывается. Место настолько узкое, что его может перепрыгнуть «морская блоха».

— Морская блоха? Причем тут вообще блоха? — раздраженно спросил Голлар, заподозрив насмешку.

— Последнее слово техники. Моторная лодка, способная отрываться от воды и прыгать на расстояние в несколько десятков метров.

— Да, да... не слышал... — смягчился Голлар.

— Так вот, — Арк поднялся, высокий и порывистый. Он чувствовал пафос минуты: ведь от нее зависела судьба его открытия. — Мне нужно ваше согласие выделить средства на приобретение лодок и организацию всей экспедиции. Золото Редрота покроет расходы. Этого золота хватит, чтобы купить все материки мира.

Голлар и Сервик молча вытащили чековые книжки. В привычном деле они действовали быстро и точно.

Получив два чека, Арк вышел из кабинета.

Он вытер рукой лоб и расширенными глазами посмотрел вперед. В конце невзрачной, бесконечно длинной улицы на него, прищурившись, глядело с запада солнце.

— Солнце восходит над островом Редрот, — мечтательно подумал Арк.

Золотым подсолнухом расцветало солнце над островом Редрот.

Оноа проснулся — ему показалось, что над ним склонилось лицо его друга Арка.

Это солнце коснулось его кудрявой головы.

Оноа вскочил, быстрый и легкий, накинув свободную одежду. Красивое шоколадное тело было напоено жизнью, широкие глаза казались необычайно ясными и прозрачными на темном лице.

— Эйми, солнце ждет тебя у порога! — крикнул он обычное приветствие.

— Ты опоздал, солнце давно вошло ко мне, — и Эйми отодвинула занавес у комнаты Оноа.

Город Ао-Гол, Счастливый город Редрота, просыпался вместе с солнцем. Улицы наполнились живой и шумной толпой. Оноа и Эйми присоединились к ней. Люди делились на группы и растекались по всем улицам города, направляясь на работу. Каждый уделял часть своего дня общественному труду. Таков был закон Редрота.

Оноа и Эйми шли по широкой улице, которая, плавно изгибаясь, вела к морю. Могучий хребет гигантской дамбы был виден издалека. Ее правильный полукруг окружал остров с запада, сдерживая наступление воды, что угрожала поглотить неуклонно понижавшийся берег.

Оноа чувствовал сегодня какое-то смутное и странное волнение. На ходу он отбросил ногой камень, и тот, отлетев в сторону, сверкнул на солнце искрой золотой прожилки. Оноа осознал, что все утро вспоминал Арка.

— Я видел во сне Арка, — неуверенно сказал он.

— А я сейчас как раз думала, что делает он там, в своей чудной стране, — Эйми указала на горизонт. — Может, как и здесь, ходит по берегу и собирает желтые камни...

— Если он вообще добрался туда, — поправил Оноа.

— Я все мечтаю о той земле, где люди похожи на Арка, где летают удивительные зверьки и большие машины поднимают людей в воздух. Неужели мы никогда не увидим все это, Оноа?

Эйми смотрела на него снизу. На ее лице он прочитал беспокойство, готовое превратиться в отчаяние, стоит ему только возразить.

Оноа улыбнулся, спрятав за ресницами глаза.

— Думаю, Арк еще вернется к нам, — уклонился он от ответа.

— Ну, это уж вряд ли, — вмешался в разговор веселый Лоэ, шедший рядом. — Если он и добрался живым до родины, то едва ли снова решится на риск сломать себе шею. Да нам и не нужны такие гости. Его сказки о той стране вообще меня не радуют, а главное, они многих окончательно запутали. Ты слышал, Оноа, что старый Унк совсем спятил? Перетащил к себе все камни из бассейна Арка и вытапливает из них желтый металл. А Веа и Дото подстрекают ребят и подговаривают их отправиться в землю Арка. Имя Арка не сходит с языка. Все только и судачат про его байки о золоте, птицах и зданиях высотой с наш Кохайо. Возле дома Райкао выросла гора песка, и вся семья с утра до вечера носит и промывает его, как учил Арк. Дело у них продвигается медленно — никогда не видал более глупого занятия. Они даже перестали ходить на общественные работы. Гора у дома растет, а вместе с ней растет и жажда иметь все больше и больше золота. Райкао говорит, что он еще не стар и хочет увидеть что-нибудь получше вулкана Кохайо и нашего несчастного города. А в тех странах, говорил Арк, без золота не проживешь. Как тебе это нравится, Оноа?

— Закон не запрещает уходить с острова, — тихо ответил Оноа. — Если сумеешь — иди.

— Но, говорю тебе, безумие охватывает город. Они, кажется, готовы разобрать дамбу, потому что из нее легче добыть золото. Я сам видел, как люди выковыривали камни из верхних рядов.

— Дамба нерушима. Пусть копают золото под землей.

Брови Эйми вздрогнули.

— Я знаю каждый камень на берегу и каждое дерево на острове. Солнце ежедневно восходит здесь, заходит там... Но Арк говорит, что есть на земле места, где солнце садит-

ся и не возвращается полгода, где можно идти целый год и не увидеть моря и конца пути.

Они подошли к дамбе. Контрфорсы, подпиравшие ее могучее тело, выглядели как ребра гигантского скелета. Море тяжелой массой жалось к дамбе, касаясь мокрыми губами последнего ряда камней.

Оноа руководил работой машин, которые подавали камень. Кубические глыбы из смеси золота и гальки укладывались ровными слоями, скрепленными составом из золотого песка и какого-то вещества, обладавшего свойствами цемента.

Шел ремонт дамбы. Значительный участок ее находился под угрозой разрушения и островитяне упорно отвоевывали у моря крошечный клочок земли.

С высокой дамбы Оноа видел весь город.

Идеально упрощенные четкие линии создавали впечатление легкости, освобождая массив зданий от веса камня. Но воображение Оноа вытягивало вверх линии невысоких стен, творя небоскребы.

Последние этажи вздымались выше вершины Кохайо. Внизу сновали люди в черных и узких, как у Арка, одеждах. А над городом, непостижимым образом держась в воздухе, парили странные существа с широкими блестящими крыльями...

У Оноа потемнело в глазах. Стараясь стряхнуть въедливый мираж, он повернулся к морю, и взгляд его поймал на краю дамбы согнутую человеческую фигуру. Рискаю упасть в воду, человек протягивал руки, пытаясь что-то достать из обращенной к морю стенки. Оноа подошел и увидел Дото. Тот ковырялся в кладке маленьким рабочим ломом.

— Что это ты делаешь, Дото? — удивленно спросил Оноа.

Дото поднял взволнованное лицо.

— Эта штучка, сдается мне, слишком хороша, чтобы торчать здесь без дела, — сказал он, показывая на ладони уже выломанный из стенки круглый тяжелый самородок. — Арк был бы благодарен за эдакий камешек, а нам он пригодится в его стране.

— Но дамба? Ведь достаточно трещины — и вода хлынет на остров...

— Не я один... — сказал Дото и отвернулся, собираясь уходить.

Медленно ползло по небу солнце.

Оно казалось, что оно ползет медленнее, чем всегда, и медленнее обычного шла работа. Он бегал вдоль плотины от машины к машине, суетился, спускался вниз, где сплавливался камень и изготовлялся цемент.

Спокойная масса воды, нависшая над городом, никогда еще не казалась Оноа такой угрожающей. Синий край ее был значительно выше уровня земли.

А вечером Оноа подошел к Эйми и положил на ее раскрытую ладонь сжатые в руке блестящие желтые камешки.

— Оно вовсе не такое уродливое, это золото, — сказал Оноа, — и потом, надо же увидеть еще что-то, кроме Редрота.

Эйми склонилась над осколками сияющее лицо.

Целый день пароход Арка растерянно метался по ровной глади. В ясной дали, до самого горизонта, не было ни намека на землю, ничего, кроме безбрежной синевы воды. Редрот исчез. В поисках пропавшего острова подзорная труба в руках Арка прощупала каждое пятнышко на горизонте. Досада и удивление сдвигали брови на его лице.

Наконец, на рассвете второго дня, они увидели черную точку. Точка приближалась и обрела очертания рыболовного баркаса. Удачная ловля и спокойная вода заманили баркас далеко в океан. Когда подошли ближе, хриплый голос владельца баркаса крикнул, надрывая глотку:

— Эй! Нет ли у вас на борту ветеринара? Мы подобрали тут одного черномазого, который собирался на паруснике переплыть океан. Кажется, ему скоро конец.

С непонятым волнением Арк сошел на палубу баркаса. На сложенных парусах навзничь лежало сожженное солнцем тело. Арк, бледнея, наклонился над ним.

— Оноа, — сказал он, вглядываясь в расширенные глаза. Всю волю желания, всю нетерпеливую жажду вложил Арк в этот взгляд.

Медленно-медленно, так, что секунда показалась вечностью, Оноа поднял веки.

— А, это ты, — неслышно, с трудом выдохнул он. — Ты... Но Редрота больше нет... Люди разобрали дамбу.

Готовый закричать, Арк приблизил ухо к его губам. В хриплом шепоте он не сумел разобрать ни слова.

Прозрачные глаза Оноа отражали весь мир, но Арка уже не видели.

...На пароходе ждал возмущенный Голлар, а Сервик, худой и острый, весь изогнулся, как рука с ножом, занесенная для удара.

Арк безучастно поглядел на них.

Е. Кардиналовская

ОШИБКА

Статистика была неумолима.

Узкие колонки цифр равнодушно рисовали трагическую картину медленного вымирания народа. Слабые дети с большими головами, которых ежегодно рождалось все меньше, были отмечены чертами дегенерации. Очевидно, они не могли обеспечить необходимый прирост населения в будущем. Полное вымирание угрожало последующим поколениям, а неизбежный груз наследственности в течение веков отравлял организм некогда здоровой расы, сделав людей физически слабыми.

Лучшие умы страны и золото финансистов были бесцельны предотвратить катастрофу...

Наступил год, когда холодным языком цифр было названо число, которое прозвучало, как приговор.

Тогда впервые услышали имя Ворна, имя человека, который явился в эту обреченную страну с севера. Тогда впервые увидели этого человека с гладким лбом гения и прищуренными глазами, который пришел сюда за славой так же уверенно, как заходят к ювелиру за золотой безделушкой.

В сердце страны, в лучшем из ее городов, Ворн заперся в своей неприступной, как крепость, лаборатории. С ним постоянно был его ассистент — белокурый юноша с движениями автомата. И Ворн не искал себе других помощников.

Но Ингрид Дан, маленькая беспокойная девушка, пришла к Ворну и предложила ему свою помощь и знания, почти уверенная в отказе. Окинув ее взглядом прищуренных глаз, Ворн немного наклонил голову и негромко сказал:

— Ладно... Оставайтесь и работайте.

Ингрид, приготовившая много убедительных слов, которые оказались не нужны, в первое мгновение растерялась, но потом улыбнулась и... осталась.

Работы в лаборатории Ворна проводились в условиях исключительной секретности. Его молчаливость не позволяла Ингрид коснуться ни одного из теснившихся в ее голове вопросов. Ей была непонятна главная цель этих опытов. Множество существ, уродливых и убогих, создали они, искусственно спаривая животных, внешне непохожих друг

на друга. Чудовища погибали, но Ворн снова и снова проводил эксперименты над другими существами.

Однажды в лабораторию привезли самку обезьяны. Это был тщательно отобранный Ворном экземпляр из «обезьяньего городка» на юге страны. После нескольких недель специального режима под внимательным наблюдением Ворна, животному была сделана несложная операция. И тогда Ингрид поняла, какую роль предстояло выполнить этому прирученному зверю.

Обезьяна должна родить детеныша. Несмотря на окружавшую ее исключительную заботу, она болела и, казалось, могла умереть, не выполнив своей удачно начатой миссии. Она часто кашляла, хватаясь за грудь вполне человеческим жестом, и тогда Ингрид гладила ее по голове и нашептывала в приплюснутое ухо ласковые слова, что так много знает каждая женщина.

Время напряженного ожидания шло медленно, но конец был уже близок. Ежедневно Ингрид спешила в лабораторию, боясь упустить важнейший момент. Однако, она всегда опаздывала, потому что не представляла, как можно быть точной. Она напоминала маленькую вселенную, управляемую стихиями, катастрофами, землетрясениями — всем тем, что не поддается дисциплине и не подлежит порядку. Случайности были вехами на ее пути, а недостижимое — целью этого пути. И ей казалось, что это недостижимое, сиявшее яркой звездой, она поймает легко, словно детский мячик, именно здесь, где холодный ум Ворна рассекал тайну, как ланцет кроличье сердце.

Был ноябрь — месяц, когда ночи длинные и не хочется открывать глаза, чтобы не видеть тусклого дня за окном.

А Ингрид как раз снится чудесный сон. Почувствовав, что просыпается, не досмотрев его, она поплотнее закрывает глаза, натягивает на голову одеяло и придумывает окончание сна. Конец получается веселый и, быстро вскочив, она начинает одеваться. Ингрид знает, что опоздала, но есть тысяча маленьких дел, которые непременно нужно сделать, прежде чем уйти. Она выбирает два: зашивает рваный палец на перчатке и перечитывает кусочек стихотворения,

которое ехидно крутится в голове и мучает забытой строкой.

Вот так, приблизительно, выглядело и это утро маленькой ассистентки Ворна — Ингрид Дан.

Но на этот раз Ингрид не опоздала.

Она вошла в лабораторию и увидела, что Ворн и его ассистент стоят у операционного стола. На нем бесформенной массой лежало большое коричневое тело обезьяны.

Животное вздрагивало от невыносимой муки, руки неистово упирались в край стола, пытаясь приподнять обесиленное тело.

Ворн спокойно смотрел на умирающее животное. Щупая пульс, брезгливо касался кончиками пальцев мохнатой руки. Судорожно сжимаясь и замирая, трепетало звериное сердце. Могучий организм боролся со смертью, выполняя великий закон продолжения рода, давая жизнь маленькому загадочному существу, которое отбирало у него остатки жизненных сил.

Ингрид умела ориентироваться в сложных ситуациях. Ее волосы были еще влажны от тумана и глаза блестели, но движения были неторопливы и точны.

Большое беспомощное тело вызывало в ней глубокое страдание и, не обращая ни к кому конкретно, она сказала тихо:

— Неужели она умрет?

— Возможно, оба они умрут, если это сейчас не закончится, — и Ворн раздвинул закрытые веки, заглядывая в мутные расширенные зрачки.

В тот же миг страшная судорога свела тело обезьяны и так же мгновенно она успокоилась, возможно, увидев над собой родные обезьяньи лица. И тотчас запищало маленькое окровавленное существо в руках Ингрид.

— Человек, человеческий ребенок, — растроганно прошептала она.

Ворн взглянул на маленькое тельце. Приплюснутая, словно вдавленная, мордочка морщилась и кривилась мерзкими гримасками. Коротенькие ножки с узкими, как у обезьяны, ступнями были поджаты так, как привыкли нахо-

диться до рождения. И тем не менее это существо бесспорно было человеком.

— Да... почти человек, — рассеянно, словно думая о чем-то своем, сказал Ворн и повернулся к неподвижному телу обезьяны. Ее сердце уже не билось и холодные руки свисали вниз.

Ассистент что-то старательно записывал в разграфленную тетрадь.

Ингрид непривычным движением прижала к себе дрожащую малютку, бессознательно повторяя движение матери, защищающей своего ребенка.

В большой комнате, где все было такое чистое, белое, прозрачное, где было много стекла, белого металла и белых тканей, неправильным и бессмысленным казалось первобытное тело обезьяны на операционном столе. А два человека в белых халатах словно забыли о маленьком существе, осужденном ими на жизнь.

В этот день Ворн впервые нарушил свое обычное молчание. Голосом ровным, лишенным интонаций, он заговорил, не подчеркивая своих слов ни единым жестом, из-за чего они приобрели особое значение.

— Пока это только опыт... Цель впереди. Это маленькое существо лишь звено в длинной цепи подобных существ. Так будет пройден весь путь от обезьяны, через первобытного человека, до великолепного типа классической древности... Стереть печать вырождения расы — вот моя цель. Вернуть утраченные пропорции человеческого тела, когда голова составляла 1/8 часть туловища. Влить струю свежей звериной крови в испорченную за много веков кровь народа. Сбросить иго наследия, способствующее вырождению... Пока мы будем только ждать, наблюдать и... молчать, — последние слова Ворн сказал совсем тихо, сузив глаза, словно в них попал ослепительный луч.

* * *

Само собой получилось так, что с этого дня о детеныше заботилась Ингрид.

Она дала ему обычное человеческое имя — Том. Она оберегала его хрупкую жизнь с ласковой заботливостью, и постепенно чувство глубокого сострадания к малышу сменилось настоящей нежностью.

— Арвуд, посмотрите, какой он забавный, — говорила Ингрид, обращаясь к юноше с движениями автомата.

И тот видел, как сияют ее глаза. Позже он заметил в них отблеск настоящей любви, когда Том начал отмечать его приход своеобразной гримасой, которую Ингрид звала улыбкой.

Шли дни, недели, месяцы.

Ингрид видела, как робкая искра сознания начинает теплиться в маленьком зверьке. Весь нерастраченный запас нежности, настойчивой заботливости она отдавала Тому. Целые дни она нянчилась с ним. Арвуд с отвращением видел, как тянулись к девушке обезьяньи лапки и безобразная мордочка приближалась к ее лицу...

Ингрид пыталась наигрывать несложные мелодии, и ребенок весь расцветал и, быстро поймав ритм, покачивался на коротких ножках, всем своим видом выражая безграничное удовольствие.

Том оказался необыкновенно восприимчив к музыке, и Ингрид, заметив это, пыталась развивать в нем эту способность. Музыка удивительным образом преображала его. Он наклонял голову с выражением почти сознательным, а когда Ингрид намеренно брала диссонансирующие, фальшивые звуки, он морщился и сердился.

— Я сделаю из Тома человека, вот увидите, Арвуд, он определенно больше человек, чем думает Ворн.

Но Ворн не находил ошибок в своей теории, считая Тома на три четверти животным, смотря на него со спокойным любопытством ученого, изучающего редкостный экземпляр.

Под холодным взглядом его прозрачных глаз Том весь съеживался от звериного страха. Он прятался в угол, пытаясь сесть спиной к Ворну. Не оставалось и намека на что-то

человеческое в этом маленьком тельце, в этой обезьяньей позе, в круглых испуганных глазках.

Ворн измерял «лицевой угол», объем и строение черепа маленького Тома и сравнивал его с черепами доисторических людей, пытаясь определить, к какой эпохе можно отнести созданный им экземпляр.

Посещения Ворна все больше беспокоили Ингрид. Она видела бесконечный ужас Тома перед ним, видела, как все человеческое исчезает из его сознания в присутствии этого равнодушного человека. Ингрид подходила к Тому, гладила его, понимая что не может оградить от этой пытки.

— Так дальше нельзя, вы ведь понимаете, Арвуд, что Ворн превращает его в обезьяну.

Арвуд показывал ей на скошенный узкий лоб Тома.

— В такой черепахе нельзя пробудить человеческий разум. Ворн прав. Его выводы безошибочны...

Ингрид видела, что этот человек закован в броню научных выводов, как древний рыцарь в латы. Человеческое слово не достигало его сердца.

Она просила Ворна на некоторое время освободить Тома от наблюдения, она говорила о человеческом сознании, что просыпалось в нем, о его музыкальности. Ворн слушал с небрежной улыбкой.

— Музыкальность? Да, это возможно. Музыка доступна человеку на самой низкой ступени культуры, она доступна даже животным. А разум? О нет... видите...

И Ворн показывал на маленькую фигурку, сидевшую, забившись между диваном и шкафом. Концы согнутых пальцев рук упирались в пол — эта поза была типична для обезьян. Ингрид прикусывала губу так, что на ней появлялись капельки крови. А прищуренные глаза Ворна, всегда устремленные куда-то вдаль, казалось, не видели того, что происходило рядом.

В этот день Ингрид долго ходила по комнате, растерянная и задумчивая. Солнце проложило от окна к ее ногам кружевную дорожку и зажгло золотой серп медной дуги на большом глобусе в углу комнаты.

И тогда ей показалось, что дракон на голубом поле безграничных океанов, прикованный к южному материку, взмахнул поднятым крылом, готовый взлететь. Ингрид встала, улыбнувшись своей, еще в детстве придуманной, фантазии, так неожиданно подсказавшей спасение.

Она взяла на руки Тома и, стараясь, чтобы он понял, провела кончиком пальца по блестящей поверхности глобуса путь, перерезавший меридианы Атлантики — единственный путь к спасению.

* * *

Когда Ворн проходил по улице, за его спиной шептали:

— Это Ворн...

— Это тот самый Ворн, который... — и называли одно из его удивительных изобретений.

— Он сейчас работает над тем, чтобы вдвое увеличить человеческую жизнь...

— Ах, нет, совсем не то. Говорят, что он создал какое-то существо, которое умеет ходить и все понимает, как человек...

— Да, он работает с ним в лаборатории...

— Ерунда, говорю вам, ерунда! Ворн изобрел химический состав, который заменяет человеческую кровь, и хочет таким образом оздоровить человечество.

— Ну?!

— Да. Из человека выкачивают его испорченную, отравленную кровь, наполняют его жилы этим составом, и человек крепнет, освобождается от наследственных болезней и даже защищается от эпидемий...

— Невероятно! А я слышал...

И слухи, один нелепее другого, оплетали имя Ворна. Но этот молчаливый человек проходил мимо, равнодушный к тому, что о нем говорят.

Слава бежала за ним, как послушный пес, и изредка Ворн бросал ей драгоценные зернышки, вырванные из сокровищницы Неизведанного.

Но он был осторожен. Он объявлял о своих достижениях лишь тогда, когда они были окончательно проверены, когда все было безошибочно и бесспорно.

Никто не имел доступа в его лабораторию, так как никто не должен был знать о его исканиях и неизбежных ошибках. Существование Тома было пока тайной для всех. Ворн готовил этот удивительный сюрприз для людей, которые ждали от него чуть ли не чуда.

И потому страшным ударом прозвучало для него сообщение Арвуда.

— Уехала, говорите вы? И забрала Тома?! Но зачем? Куда?

Арвуд знал не более Ворна.

Комната Ингрид, с небрежно разбросанными вещами, свидетельствовала о поспешности — несколько забытых игрушек Тома лежали в углу... и больше ничего. Никаких указаний, никакой записки.

Первая морщинка тонкой расщелиной прорезала лоб Ворна.

Это была загадка, которую не мог понять ум ученого, привыкшего иметь дело с точными данными науки, для которого хаос человеческой души был Гордиевым узлом.

— Странно! Вы тоже ничего не знали, Арвуд?

Арвуд пожал плечами и отвернулся с выражением отчаяния, ничего не ответив. И этот жест, выразивший простые человеческие чувства, был так необычен для юноши со сдержанными движениями автомата, что Ворн удивленно посмотрел на него.

— Ну, что же, будем ждать, — сказал он, и больше они об этом не говорили.

Они ждали долго. Арвуд думал, что Ворн, убедившись в бесполезности ожидания, повторит опыт с обезьяной, но случилось так, что их работа в лаборатории сузилась до раз-работки уже установленных положений, а каждый намек

Арвуда на необходимость повторить эксперимент только сдвигал брови Ворна в сплошную линию.

* * *

...Они ждали долго.

Время проложило серебристую дорожку в волосах Ворна, и было непонятно его упорство в нежелании повторить эксперимент или, по крайней мере, огласить его результаты. Иногда в его взгляде появлялось прежнее выражение холодной самоуверенности, и он говорил:

— Мы проделаем еще один блестящий фокус, Арвуд. Им он может показаться чудом, ведь только ради невозможного стоит работать...

Но что-то погасло в нем, и Арвуд видел мелкие морщинки, избороздившие его лоб и намекавшие на бессилие мысли.

Он не знал, о каком «невозможном» говорил Ворн. Он вышел из лаборатории, ни о чем не думая и ничего не желая. Пустота, ставшая его постоянным уделом, была тяжелой любой человеческой ноши.

Сверкание огней, роскошь витрин, шумная толпа и поворот движения. Арвуд проходил сквозь это, как человек, который идет через пустыню, где не стоит смотреть направо или налево, потому что вокруг та же однообразная пустота.

Он шел, глядя вперед, и прямо перед собой увидел на белом полотне афиши большие черные буквы, которые называли ему имя Томаса Дана. Это имя преградило ему путь. Он задохнулся, сдерживая крик, и еще, и еще раз, не узнавая букв, перечитывал звонкое имя — Дан.

Афиша извещала о концерте Томаса Дана, приехавшего всего на два дня.

Ничего не думая, ни на что не надеясь, но смутно боясь что-то потерять, Арвуд купил билет и вошел в концертный зал.

Зал уже был полон, и со всех сторон он слышал имя Томаса Дана.

Сутулый юноша с дегенеративным затылком говорил, двусмысленно улыбаясь, близорукой девушке:

— Не знаю, хороший ли пианист Томас Дан, но говорят, что во время концерта гасят свет. Из-за одного этого стоило прийти.

Проходил господин с седовласой дамой.

— Я не верю таким сенсациям. Имя Томаса Дана слишком быстро прославилось, пожалуй, о нем так же быстро забудут...

— Но говорят о нем странное...

Возле Арвуда белокурая девушка говорила своему соседу:

— Если 15 сонату он сыграет так же, как вы — мне придется разделить свое сердце...

— Он играет, как никто. Рояль под его рукой — словно живое существо, и он делает с ним, что хочет...

Не зная почему, Арвуд поверил именно этому молодому взволнованному голосу. Ожидание чуда захватило его в трепетное кольцо.

Большую люстру потушили, две боковые оставляли сцену в полумраке.

Согнутая мужская фигура с опущенными руками, из-за чего они казались необычайно длинными, прошла к роялю.

Зал затих.

С темной сцены понеслась густая и живая волна, наполнив зал.

Музыкант играл вещи, которые Арвуд знал как собственное лицо, однако он едва узнавал их. Они звучали, как перевод на чужой, неведомый, но непостижимо понятный язык. И от этой своеобразной игры веяло манящей самобытностью, словно давно знакомая всем мелодия впервые рождалась под пальцами музыканта.

В антракте Арвуд не видел ни одного равнодушного лица, а аплодисменты показались ему более искренними, чем обычно.

Зал гудел радостными возгласами:

— Томас Дан! Томас Дан!

Но на аплодисменты Томас Дан не вышел.

Снова потушили свет, и сгорбленный силуэт появился на сцене.

Сразу же хаос бурных звуков метелью пролетел над головами притихших людей. Это меньше всего походило на музыку. Рев сказочного зверя, вырвавшегося на волю, рев победы и дикой страсти...

Но медленно, словно укрощая чудовище, правая рука собрала звуки в стройную мелодию, и она разлетелась из темноты, словно разноцветные бабочки. Арвуд чувствовал их теплое прикосновение к своему лицу, они касались его рук, садились на ресницы...

— А? Что же это такое? — белокурая девушка теребила его за рукав. Арвуд взглянул на нее бессмысленно, а юноша гладил ее волосы, успокаивая, как умел.

Разве можно сказать, что это было?

Музыка меньше всего от разума, а музыка Томаса Дана заставляла каждого, кто слышал его, найти в своей душе все прекрасное, что в ней было.

И поэтому так сияли заплаканные глаза белокурой девушки, поэтому угасла двусмысленная улыбка на устах дегенеративного юноши, поэтому лицо Арвуда приняло забытое в детстве выражение ласковой кротости.

Маленькая рука легла на его плечо.

— Уже кончено. Одевайтесь...

Белокурая девушка стояла перед ним, улыбаясь. Арвуд забыл поблагодарить ее, встал, словно слепой, и вышел, оставив свое пальто болтаться на вешалке.

* * *

Наутро, в лаборатории, Арвуд был как всегда молчалив, но необычно рассеян. Он ни словом не обмолвился про вчерашний концерт, хотя воспоминание о нем постоянно возвращалось к нему и сгорбленный силуэт с опущенными

руками беспокоил его тревожным вопросом — кто такой Томас Дан? Почти со страхом Арвуд думал, что Ворн тоже мог быть на концерте и что именно этот вопрос может заставить его пойти в гостиницу, где остановился музыкант.

В это утро Арвуд был так рассеян, что при несложной операции неудачным движением ланцета убил маленькое животное.

— Вы неосторожны, — сухо заметил Ворн, а Арвуд готов был перерезать себе вены, увидев, как затрепетало в смертельной судороге окровавленное тельце зверька. Ему показалось, что это его собственное сердце умирает рядом с ним.

Арвуд не был мечтателем. Его разум был прозрачен и тверд. Сквозь него он смотрел на мир, как шофер смотрит на дорогу сквозь стекло, защищающее его глаза от пыли. Однако он не уберег свои глаза. Блестящая пыль ослепила их, и поэтому так дрожала его рука, когда он стучал в дверь номера, который показала ему горничная.

Дверь распахнулась перед ним, как чужая душа, и, переступив порог, Арвуд увидел глаза, которых ждал целую жизнь.

Ингрид протянула ему руку так просто, словно они делились только вчера.

— Хорошо, что вы пришли, Арвуд, вы всегда были мне другом.

А Арвуд не нашел никаких слов, только улыбнулся.

Они прошли мимо дверей, открытых в соседнюю комнату и, на мгновение остановившись, Арвуд увидел блестящую крышку рояля, поднятую, словно щит, а возле раскрытой клавиатуры, на обитом кожей стуле, юношу в черном одеянии. Обняв одной рукой колени, он прижал согнутые пальцы второй к губам и сидел неподвижно в глубокой задумчивости. Тонкое сукно одежды обтягивало напряженные мышцы спины и рук. Родену не пришлось бы искать лучшей натуры для своего «Мыслителя». Это было именно то усилие рождающейся мысли в примитивном мозге, которое так метко подметил великий скульптор.

В небольшой комнате Ингрид указала Арвуду на мягкое кресло.

— Кто такой Томас Дан?

— Мой сын, — это было сказано со спокойной гордостью и не походило на шутку.

— Ингрид...

Она улыбнулась его безнадежной попытке понять и, волнуясь, поспешно и нескладно начала рассказывать:

— Я дала ему свое имя, и для всех, как и для меня самой, он мой сын. Я хотела сделать из него человека, потому что не могла же я держать его у себя, как котенка.

Вы понимаете, Арвуд, я, не колеблясь, сбежала с ним, ведь для Ворна он лишь удачный эксперимент, который можно повторить еще сколько угодно раз над другими существами, а для меня Том сделался человеком уже тогда, когда впервые улыбнулся с сознательной радостью.

А теперь — кто же теперь скажет, что Том не человек?

Арвуд сделал движение, но она не дала ему ничего сказать:

— Его лицо? Пусть у него низкий вдавленный лоб и приплюснутые уши, у него круглые, широко расставленные глаза. Но вы же слышали, как он играет? Теперь я не боюсь ничего — Том вознагражден за жестокость, с которой с ним обошлись.

Если бы вы знали, как страшно было осознание им своей уродливости.

Он рос совершенно одиноко — кроме меня, у него никого не было, потому что я знала — люди не примут его, как равного, и пыталась защитить его от напрасной муки.

Мы часто гуляли вдвоем. Скажу вам правду, я совершенно забывала о его уродстве. Он был милый послушный ребенок. Человеческое сознание, робкая мысль, такие хрупкие в нем, были мне особенно дороги. Я знала, что неосторожность может разрушить все, как карточный домик. Мне казалось, что он идет над пропастью, в которой его подстерегает злой зверь с лицом гориллы... Мне было жутко, Арвуд, и я старалась об этом не думать.

Так вот, мы гуляли в парке, и я выбирала глухие тропинки. Нам обоим было как-то особенно хорошо. Том повеселел. Он схватил меня за руку и крикнул — бежим! Впе-

реди была высокая золотая куча песка. Мы мигом взлетели на нее, остановились смеясь и держась за руки... И тогда я увидела внизу, вокруг кучи песка, целую стайку детей. Один мальчик в матросской блузе поднимает голову, смотрит на нас, вдруг подскакивает и кричит:

— Смотри, обезьяна!

Все головы — русые, черные, курчавые и бритые — поднимаются, как по команде, и со всех сторон раздаются голоса:

— Обезьяна!

— Дрессированная!

— Одетая!

— Смотрите, обезьяна!

Из соседних аллей бежит целая толпа детей и окружает нас. Том испугался, задрожал, прижавшись ко мне и не понимая, что произошло. Нужно было действовать. Взяв его за руку, спокойно, как только могу, спускаюсь с холма в шумную толпу и приказываю дать нам дорогу. Вокруг настоящая каша. Парень в матросской блузке суетится больше всех. Он подскакивает к Тому и срывает с его головы шляпу... И тогда разыгрывается дикая сцена. Заверещав, Том бросился на парня, используя все звериные средства, вплоть до ногтей. От нарядной блузы полетели клочья, а дети бросились врассыпную. Том ужасно сильный, и я испугалась, но парня спасла, и мы убежали из парка, как преступники.

В тот день я увидела, как Том, приблизив к зеркалу лицо, разглядывает себя с выражением удивления и боли. Потом, в отчаянии, он закрыл лицо руками и упал головой на стол... Я поняла, что случилось самое худшее. Да... худшее и ужасное.

Маска Гуинплена* была его проклятием, однако это было человеческое лицо, а что вы скажете о зверином теле и человеческой душе в нем! Разве можно придумать большую жестокость?

* Уродливый герой романа В. Гюго (1802-1885) «Человек, который смеется», написанного во второй половине 1860-х гг.

Арвуд отвернулся к окну и очень тихо сказал:

— Но вы сами, ведь вы сами, Ингрид, усиливаете ее. Разве обезьяна страдает от своей уродливости? Разве она завидует человеку? И наконец, хочет ли она быть человеком? А вы заставили его хотеть этого. Кто же тогда жесток, Ингрид?

Он взглянул на нее и только сейчас заметил, что она не слушает. Вся вытянувшись, она прислушивалась к тому, что творилось за дверью.

Чей-то хриплый голос невнятно говорил:

— ...Так это и есть Томас Дан?.. знаменитый музыкант. Я так и знал, так и знал...

— Ворн! — вскрикнул Арвуд, бледнея, и бросился к двери.

На фоне черной крышки рояля, поднятой, как щит, он увидел Тома, прислонившегося к ней спиной. Его голова спряталась между сведенными плечами, руки были прижаты к груди, а круглые глаза, глубоко сидевшие под нависшим узким лбом, испуганно и злобно смотрели на человека. Этим человеком был Ворн.

— И вы думали, Ингрид, что эта одежда, эти причесанные волосы скроют обезьянью физиономию? Вы зло пошутили, Ингрид. Я знаю, что эта черная шевелюра прячет волосатое ухо обезьяны...

Ворн шагнул к Тому и протянул руку к его волосам, чтобы отбросить закрывающие лицо пряди. Но в этот миг, оскалив зубы, Том яростно, по-звериному зарычал и прищурился, как животное, готовое защищаться.

Ворн отдернул руку, а Ингрид, вдруг вспомнив дикую сцену с парнем, только что рассказанную Арвуду, подбежала к Тому.

— Том, не надо. Том... Том...

Том задрожал и попятился к ее ногам.

Тот страх, который заставлял его в детстве прятаться в угол под холодным взглядом Ворна, наполнил теперь все его существо. Но к страху присоединилась лютая звериная злоба. Только прикосновение руки Ингрид обезоруживало его.

Он упирался согнутыми пальцами рук в пол и тихонько рычал.

В нем не было ничего человеческого.

Ингрид поняла, что это — конец.

Сухими глазами, в глубине которых горело отчаяние, она взглянула в лицо Ворна и звенящим от боли голосом сказала:

— Зачем вы это сделали?

Ворн погладил ладонью лоб, и не ответив ни слова, вышел.

* * *

...Так закончилась история Томаса Дана, музыканта, который прославился в течение одного месяца. О нем так же быстро забыли, и никто никогда не узнал, что большое свирепое животное за решеткой клетки в Центральном зоопарке некогда заставляло людей видеть мир прекраснее, чем тот был в действительности...

Ежедневно сторожа зоопарка видели маленькую женщину под густой вуалью, бесстрашно подходившую к клетке, и удивлялись послушанию свирепой обезьяны, которая позволяла маленькой женской руке ласкать свою жесткую гриву.

Никто никогда не повторил этого эксперимента, потому что Ворн, в тот же самый день, уничтожил все свои научные заметки и исчез из города неизвестно куда.

По-прежнему в стране рождались слабые дети с печатью вырождения, и статистика мертвым языком цифр рисовала путь к гибели.

Т. и Е. Кардиналовские

СОЛНЦА!

Каждый сердцем звонок,
Пьян вином весенним —
Солнца, туч и ветра!

П. Тычина

Ранним утром Ченк зашел к своему приятелю О'Нелю. Молодой ученый сидел за столом в глубокой задумчивости. Перед ним лежали несколько раскрытых древних рукописей и книг. Ренц О'Нель был захвачен научной работой — он изучал какие-то памятники древней печати.

Пушистый ковер заглушал мягкие шаги Ченка, и Ренц не шелохнулся, когда он подошел.

— Я за тобой, Ренц! Пойдем.

Но тот сидел, низко склонив голову. Ченк положил ему руку на плечо и... вдруг побледнел.

— Ренц! — воскликнул с болью и ужасом.

Под пальцами почувствовал оцепеневшее, холодное тело. Голова О'Неля как-то жалко, беспомощно качнулась и снова безразлично упала на грудь.

Ченк растерянно взглянул на стол — у развернутой книги разбитая ампула, рядом — радио-фонограф. Резко схватил ампулу — остатки яда! Пытаясь разгадать тайну, нервно перелистнул несколько страниц книги, посмотрел на пожелтевшую обложку, где стоял едва заметный заголовок

старого письма — Павел Тычина, «Солнечные кларнеты»*. Глаза его остановились на словах, написанных рукой Ренца: «Ченк, спрячь от людей — в этой поэзии страшный яд, убивший меня».

Книга упала на пол... Ченк протянул похолодевшую руку к выключателю радио-фонографа, и мертвую тишину комнаты наполнил спокойный, знакомый голос Ренца:

— Выслушай меня, Ченк. Я многое передумал, прежде чем решиться на этот шаг... Но другого выхода нет... Сейчас я расскажу тебе все, так как не хочу, чтобы смерть моя показалась загадочной. Итак, слушай...

Ченк тяжело опустился в кресло и, словно обращаясь к живому, тихо произнес:

— Я слушаю тебя, Ренц.

— Знаю, сегодня утром ты придешь, Ченк, — продолжал знакомый голос. — Ты собираешься пойти вместе со мной на Солнечный совет... Настало время, считаешь ты, подарить людям твоё изобретение, которое усовершенствует продукцию ракетного завода. Тебе хочется, чтобы я увидел твой триумф, разделил твою радость. «Земляне, наше Солнце угасает все быстрее, но вам нечего беспокоиться!» — так скажешь ты. Но я давно уже отчаялся. Помнишь наши споры?! И этой ночью я не спал, все думал. В мыслях я рисовал перед собой смерть Солнца и Земли, ужасное будущее на другой планете... Подумал ли ты, что нас там ждет? Чем грозит нам культурная отсталость жителей чужой планеты? Ведь у них совершенно иной социальный строй, примерно такой, от какого мы некогда избавились ценой страшных революций, кровавой борьбы. Комитет уверял, что в этой неразвитости и состоит залог нашего будущего господства. Помнишь?

Ченк всем телом напряженно подался вперед, и его побелевшие пальцы до боли впились в подлокотники кресла.

* Первый сборник стихотворений украинского поэта и государственно-го деятеля П. Г. Тычины (1891-1967), вышедший в Киеве в конце 1918 г. и переиздававшийся с некоторыми дополнениями в 1920, 1922 и 1925 гг.

— Но это либо глубокое заблуждение, либо сознательный обман! Нас, землян, будет в тысячи раз меньше, чем тех существ. К тому же, что мы сумеем сделать, не располагая ни радио, ни электричеством, ни нашими самолетами? Как бороться? Когда все, что у нас есть, вся наша культура останется здесь, на мертвой Земле, в вечном мраке?!..

Ченк вздрогнул и закрыл рукой репродуктор, будто пытаясь зажать рот Ренца. После вскочил и, заложив руки за спину, начал нервно расхаживать по ковру. И продолжал слушать теперь уже надломленный, скорбный голос друга...

— Я никогда не видал яркого пламени Солнца, как не видит его в наши дни никто из землян. Солнце умерло для нас, и лишь благодаря древней поэзии, что я изучаю всю жизнь — я один познал, узрел Солнце. Счастливые люди древности называли его «пылающим», «лучезарным». Я видел его призрак в своем воображении и не могу больше жить в сумерках нашей планеты. Прощай, Ченк! Я убиваю себя, ибо знаю, что не в силах тебя остановить. Ты слишком уверен в своей правоте, я — в своей. Только беды, только несчастья принесешь ты Земле. Видишь, я смертью своей доказываю, что не готов согласиться с тобой. О, если бы можно было дать Земле новое Солнце! Новое Солнце!..

Голос оборвался вслед за прозрачно-стеклянным звуком. А Ченк все стоял, сжимая в руке маленькую пожелтевшую книжечку, и не мог отвести глаз от вязи букв — «Солнечные кларнеты», П. Тычина.

Затем он сел и стал нервно листать страницы. Насыщенные солнечной мощью и красотой строки стихов сплетали траурный венок над гробом Ренца, и казалось, что умерший говорил словами поэта.

Больше не увижу — солнечных очей. —
Буду вечно сам я в сумрачном аккорде.

Глаза Ченка жадно впитывали слова, и невольно яд их овладевал разумом...

.....

...Через несколько минут Ченк сообщил Солнечному совету о самоубийстве профессора древней литературы Ренца О'Неля. Весть потрясла всех — за последние века то был первый случай самоубийства. В повестку дня очередного заседания Совета был включен доклад Ченка.

Будет бой
Огневой!
Смех будет, плач будет
Перламутровый...

П. Тычина

Ченк первым прилетел во Дворец мудрых решений на заседание Солнечного совета и, взволнованный, сразу же прошел в Зал высшей мысли. Глубокие кресла, маленькие гнутые столики у каждого из них, мягкий свет — все позволяло всецело отдаться умственной работе, и под высоким, прозрачным куполом, венчавшим круглый зал, нередко зарождались гениальные идеи.

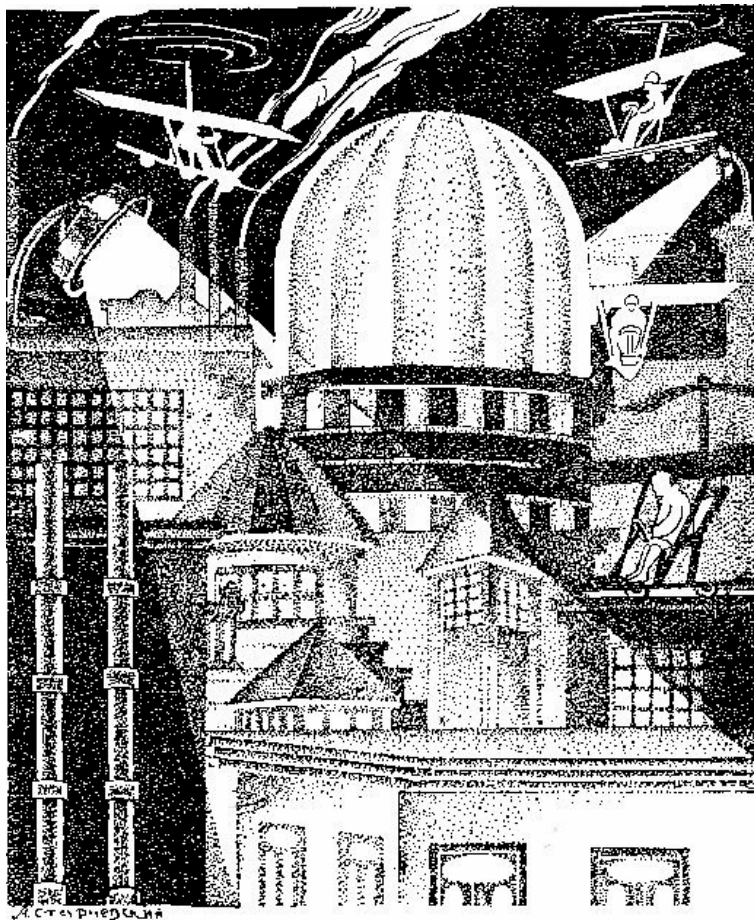
Ченк был один. После пережитого он хотел собраться с мыслями, обдумать неожиданные для него самого выводы, пришедшие вместе с болью.

Он не привык сомневаться. Дорога его всегда была ясна, и он решительно шел вперед.

На заводе, где он работал главным инженером, собирали, как и везде, межпланетные ракеты. Требовалось изготовить великое множество ракет, чтобы перевезти всех землян на другую планету, когда Солнце погаснет окончательно. А последние известия из Центральной обсерватории были такими неопределенными, такими тревожными... Необходимо ускорить выпуск ракет. Он уже договорился с Ренцем, что они вместе явятся в Зал высшей мысли,

где Ченк торжественно подарит людям Земли свое изобретение, которое усовершенствует конструкцию ракет.

А теперь?..

Бесшумные аэрокресла летали к Дворцу мудрых решений.

Кто-то тихо притронулся к его рукаву.

— О чем вы так глубоко задумались, Ченк?

Он вздрогнул. Рядом стоял Председатель совета и ласково улыбался.

— Все мы знаем, какую страшную потерю принесла нам судьба. Но сейчас вы сможете отдохнуть мыслями и поделиться с нами печальными впечатлениями от неожиданной смерти нашего общего друга... Садитесь, прошу вас. Все уже собрались.

— Простите, — сухо и неприветливо ответил Ченк, — я немного задумался...

Полулежа в глубоком кресле, Ченк прищуренными глазами осматривал Зал. Фонографы, фотографирующие голос вместе с лицом говорящего, сложные приборы, записывающие четкими рядами мысли высокого напряжения, рефлекторы волевых импульсов и другие приспособления в строгом порядке стояли на каждом столике. Часть мест в Зале занимали члены Комитета мудрых решений; остальные места в большинстве своем пустовали — они предназначались для тех землян, которые приходили сюда с какой-либо выдающейся идеей. И если аппарат, принимавший и записывавший только мысли высокого напряжения, отмечал ее, автор такой идеи входил в Комитет.

Сейчас в Зале были лишь члены Солнечного совета, одной из многих секций Комитета. Знакомые, знакомые лица... Вдруг Ченк заметил, что на «кандидатском», как шутили между собой члены Комитета, месте сидит какой-то юноша. Ченк уже видел однажды его энергичные глаза в этом зале. Он горячо говорил тогда о своем проекте строительства нового солнца. Ченк хорошо помнил, как смеялись в тот день над молодым ученым!

— Вы собираетесь дать нам новое солнце, дитя мое? — иронично спросил его председатель. — Не захватили ли вы его случаем с собой? Кажется, оно у вас в кармане? Мы уже, знаете ли, вышли из того возраста, когда тешатся пустыми мечтами о подобных игрушках.

Все смеялись и даже не предоставили юноше слова для ответа. А сейчас он снова здесь... Сегодня... Именно сегодня, когда...

Усилием воли Ченк отвлекся от юноши и стал прислушиваться к речи председателя...

— О'Нель убил себя... Убил, как когда-то наши романтические предки. Вы только что прослушали запись фонографа, передавшую нам его последние слова, и все вы понимаете, что это преступление. Да, собратья! Да! Это страшное преступление против всех землян. Разве мы, сильные среди сильных, не знаем так же хорошо, какие уродливые перспективы сулит нам переселение на другую планету? Но это единственное спасение. Солнце гаснет! Другого выхода у нас нет. Собратья! Давайте же быстрее строить ракеты! Мы должны всеми силами удержать землян от паники! Ренц О'Нель загубил себя, но его поступок следует скрыть, хранить в тайне. Иначе это испугает и обеспокоит всех — и кто знает, к чему еще приведет жителей Земли? Он предал наше дело, и мы обязаны предотвратить возможные последствия. Мужество и спокойствие — вот единственное, что спасет нас теперь, высокоумные собратья!

Все внимательно слушали в тишине. Затем — переключка голосов:

— Совершенно верно, собратья! Мы не можем всем открыть эту горькую правду.

— Это было бы преступлением!

— Известие о самоубийстве, бесспорно, обеспокоит всех землян.

— Могут остановиться заводы!

— Земляне откажутся лететь — и погибнут!

— Нет, не погибнут, — неожиданно сказал кто-то, — есть иной способ спастись!

Крик возмущения заглушил голос. Все лишь удивленно оборачивались, ища глазами — кто это здесь, в этом зале, осмелился выступить один против всех?!

Ченк торопливо взял громкоговоритель и сам едва узнал свой голос, внезапно ставший стальным и строгим.

— Собратья! Ренц О'Нель не был предателем!

Ему не дали говорить дальше.

— Как не был?

— И вы с ним?

— Лишить его слова!

Но Председатель поднял руку, и Ченк получил возможность продолжать.

— Ренц О'Нель не был предателем, — твердо повторил он, — Ренц честно жил и честно умер — ведь тот плен, который готовите вы землянам, действительно ужасен...

— И вы, и вы, Ченк, вместе с нами, — въяедливо перебил его кто-то.

— Да. Который до сих пор, я подчеркиваю, до сих пор готовил с вами и я. Но смерть О'Неля открыла мне глаза. Я призываю вас, собратья, исправить свою ошибку! Не губите землян! Известите всех о самоубийстве О'Неля. Призовите жителей Земли искать средства для создания нового солнца, пока еще не поздно! Я ухожу — и буду распространять эту мысль повсюду... И если вы не со мной, я против вас!

Множество рук потянулось к рупорам. Никакая сила не смогла бы сдержать возмущение.

— Он сошел с ума!

— Гнать его!

— Какой позор, — в этих стенах нелепые мысли!

Председатель снова поднял руку, и шум мало-помалу прекратился.

— Слово имеет Хронс.

— Высокомудрые собратья! Мы положили много сил, энергии и помыслов на спасение землян от неминуемой смерти после угасания Солнца. Сделать больше не сумел бы никто. Солнце угасает все быстрее. Вскоре нам придется улететь с Земли, — и мы должны безжалостно осудить и заклеить, как предательство, поступок мертвого О'Неля и, к сожалению, еще живого предателя Ченка!

Зал замер. Ченк был одним из самых уважаемых членов Совета, и резкое выступление Хронса поразило всех. Но и неожиданная решительность, с какой Ченк защищал Ренца, смутила советников. Аппараты показывали максимум нервного напряжения. Слово «предатель» было брошено, и некоторые уже вполголоса повторяли его.

Вновь выступил Председатель.

— Мне кажется, рано еще называть Ченка предателем. В его выступлении я вижу ошибку — конечно, прискорб-

ную, но все же только ошибку. Вы ведь понимаете, что он, как и мы, стремится спасти Землю. Предательское деяние Ренца тяжело сказалось на нем. Однако мы обязаны напомнить Ченку, что лишь перебравшись на другую планету, под другим солнцем, мы сможем и дальше существовать. Жизнь там будет, вне сомнения, трудная, но все же она лучше смерти. Другого выхода мы не знаем...

— Но должны искать его! — запальчиво воскликнул Ченк. — Мы до последнего должны искать другой путь спасения! И привлечь к этому всех. Говорю вам всем — то, что вы делаете, преступление! Ренц тысячу раз прав! Нужно пробовать, искать...

Юноша, сидевший в стороне, порывисто вскочил и, нарушая все основные правила Совета, громко вскричал:

— Я — Юм! Я нашел! Я спасу вас, земляне!

Необычное в этом Зале обращение «земляне» разом оборвало гул голосов. Члены Солнечного совета, державшие в своих руках судьбу Земли, вдруг почувствовали себя обыкновенными землянами, крошечными существами, что могут погибнуть, словно пылинки, в космической катастрофе. И в Зале воцарилась глубокая тишина.

— Слушайте, земляне, — повторил твердый, решительный голос. — Я создам для вас новое Солнце. Его горячие лучи даруют тепло, жизнь и радость мрачной Земле!

Повторяю, вы должны поверить мне! Ваш проект перелета бледен и бессилён в сравнении с могуществом моего творения. У вас — ракеты в неизвестность, у меня — Солнце над нами.

И все вдруг заметили необычайные глаза молодого ученого. Они горели за длинными лучистыми ресницами, как два настоящих маленьких солнца, и глубокая вера юноши в себя придавала им удивительную силу.

— Мое солнце, — говорил он, — возродит на Земле прежние, забытые времена... А ваши ракеты — плод дряблой, старческой мысли...

Он не закончил... Члены Совета вскочили с мест и стали возмущенно требовать лишить этого юнца, который и годами не вышел носить звание ученого, умственной энер-

гии, так как она могла причинить землянам большой вред.

— Вред? Его разум — причинить вред... Ха-ха! — язвительно рассмеялся Хронс. — Да он просто от нечего делать, для забавы придумал себе игрушку, а вы отнеслись к нему серьезно! И разрешили говорить здесь какому-то глупому мальчишке...

Я — Юм! Я создам новое Солнце!

— Верно! Правильно! — подхватили со всех сторон.

С трудом утихомирив зал, взволнованный Председатель повернулся к Ченку и увидел, что рядом с ним стоит Юм.

— Еще не поздно, Ченк, — с горечью сказал Председатель, — вы наш почтенный, любимый брат. Для вас еще не поздно исправить свою ошибку. Мы знаем, что вы придумали изобретение, которое поможет в производстве межпланетных ракет. Мы даже ожидали, что сегодня вы торжественно подарите его в этом Зале людям Земли. Мы все еще верим вам, Ченк!

Ченк грустно покачал головой.

— Нет. Я не открою вам тайну своего проекта. Нет. Я не отдам его вам до тех пор, пока сам не буду убежден, что Юм ошибается. Я верю Юму. Я знаю, что он гениален! А его возраст? Он для меня лишь залог свежей, яркой энергии! До свидания... а может... быть может, прощайте навсегда!

В полной тишине Ченк и Юм покинули Зал.

.....

Выходя из Дворца мудрых решений, Ченк и Юм молчали. Оба думали о трагичности случившегося, о новой ответственности. Молча сели на свои аэрокресла и, соединив их друг с другом цепочками, бесшумно поднялись над улицей.

— Куда?

— На Большой завод.

Они держали свои аппараты на уровне десятых этажей: оба хотели ближе присмотреться к жизни на оживленных улицах, той жизни, судьба которой неожиданно перешла в их руки.

Привычное спокойствие больших улиц в последние дни заметно нарушилось — из Центральной обсерватории доходили тревожные известия. Солнце вдруг начало гаснуть быстрее, и все предыдущие расчеты выявились ошибочными. Комитет мудрых решений постановил распространить по городу волны бодрого настроения; несмотря на это, тревога и беспокойство растекались среди жителей. Вот и сейчас на большой площади, у высокого звукопоглотителя, шумели громко и нервно. Авто, поезда метрополитена, аэрокресла и всевозможные машины бесшумно мчались по улицам, и сегодня их было, казалось, гораздо больше, чем обычно.

Юм улыбнулся.

— Знаешь, Ченк, мне отчего-то пришло в голову, что если бы разом выключить все звукопоглотители, от грохота, шума и крика можно было бы оглохнуть, сойти с ума... Но ты не слушаешь меня?

И верно, Ченк не слушал.

Глубоко задумавшись, он смотрел сквозь чистый, прозрачный воздух на гигантские солнечные рефлекторы над крышами небоскребов, на высокие шпили конденсаторов солнечной энергии и думал, что все это обречено скоро попогибнуть, что все это бесполезно, ненужно... Земля умирает...

И он крепко сжал руку Юма:

— Твое Солнце... Только твое Солнце...

Они приближались к Заводу.

Откуда-то из-за угла вдруг вынырнуло неуклюжее аэрокресло. Это было кресло Хронса, того самого Хронса, который так смеялся над идеями Юма и счел план создания нового Солнца таким нелепым. Ченк и Юм быстро поднялись выше, чтобы избежать неприятной встречи. Неожиданно услышали:

— Ченк, куда же вы так спешите?

Женский голос. Они удивленно посмотрели вниз. Рядом с неуклюжим аэро летело маленькое, элегантное кресло.

— А я уже час везде вас ищу... Не будь Хронса, так бы и не увиделись, — приветливо говорила женщина.

Юм холодно глянул на Хронса, а Ченк сказал:

— Да, Итта, я только что из Совета. Думал залететь на Завод и после домой. Работы много.

— Слышала, слышала. Хронс мне все рассказал. И про того чудака, что собирается построить какое-то новое солнце. Покажите мне его, Ченк. Хорошо? И если в его глазах отражается это солнце, я...

— Не шутите, Итта, — нахмутив брови, серьезно сказал Ченк, — над этим смеяться нельзя. И не чужак какой-то, а великий ученый — вот он здесь, перед вами. Прошу, — и он указал рукой на Юма.

— Простите, — смутилась Итта, — но Хронс так смешно рассказывал мне о вас, — и она снова засмеялась.

— Очень рад, что подарил вам несколько веселых минут, — сухо ответил Юм. — Ну как, Ченк? Может, отстегнуть твоё кресло? Лично я спешу.

— Не сердитесь, — сразу сменила тон Итта. — Ченк, скажите ему, вы же знаете, я не хотела обидеть...

— В самом деле, Юм! Подумаешь, лживые выдумки Хронса. Нельзя это так воспринимать.

Итта осторожно, ласковым голосом:

— Кстати говоря, я собиралась, Ченк, пригласить вас сегодня вечером на свой концерт... Я закончила мелодию, начало которой вам так понравилось. Помните? Хочу пригласить и вас, Юм...

— Да, Юм, разве ты не чувствуешь замечательные ароматы новых мелодий? — прервал ее Ченк. — Они и сейчас ощущаются на пальцах Итты...

— Молчите, не перехваливайте, — вмешалась Итта. — Я и вправду хочу пригласить на концерт также и вас, Юм, в награду за перенесенные насмешки...

Юм вежливо наклонил голову.

Затем они с Ченком подняли руки — последнее приветствие — и полетели дальше.

А солнца, солнца в их красе —
не слышно...

П. Тычина

а большой площади стояли металлические гиганты. Цепкими ногами впивались они в сбитую почву. Глаз привлекали широкие дорожки, залитые каким-то зеленым, блестящим веществом. Между машинами на небольших газонах росли декоративные цветы удивительной формы. Их невероятно длинные стебли тянулись к солнечным рефлекторам в тщетной надежде почерпнуть в них жизненные силы... Лишенные хлорофилла, светлые листья вяло свисали вниз, а прозрачно-хилые стебельки бессильно вились вокруг искусственных подпорок... Маленькие пылеуловители собирали из машин, с глазури дорожек, с листьев растений мельчайшие пылинки. Было тихо — у каждой машины стояли звукопоглотители.

Завод был гордостью Ченка. Стальное сердце завода билось посреди города. Машины — живые существа, лишённые разума, покорные воле человеческого гения — беззвучно и точно выполняли сложную работу. Идеальная конструкция, воплощенная в художественную форму, сделала из машины произведение искусства, над созданием которого работал коллективный разум инженера, архитектора и художника. Машины полностью освободили жителей Земли от физического труда, и единственным упражнением для мышц оставался любимый землянами спорт.

Ченк всегда с удовольствием проходил по душистым аллеям завода. Останавливался, слушал короткие приказы механиков и следил, как старательно и послушно выполняет их машина. Ченк гордился и этими краткими словами, этим «машинным языком». Односложные слова, состоявшие из сочетаний твердых, губных или шипящих звуков и произнесенные в небольшие рупоры у машины, создавали звуковые волны различной силы. Они заставляли дрожать чут-

кую мембрану, которая замыкала ток и приказывала машине изменить движение, ускорить его или прекратить совсем.

Ченк остановился перед высокой и стройной машиной с длинной, как хобот, трубой наверху, заканчивавшейся широким раструбом. Из раструба одна за другой вылетали блестящие, новенькие ракеты, делали пробный круг над плацем и по команде радиоаппаратов спускались на землю в свои ангары.

Эту машину, отвечавшую за последний этап работы, Ченк особенно любил и часто подолгу простаивал перед ней, восторженно следя за уверенным полетом серебристых птиц. Но сегодня времени на это не было.

Юм нетерпеливо звал:

— Мы должны поскорее начать работу. Ведь Совет зря времени не теряет. Не будем терять и мы.

Они прошли мимо машины, бешеным темпом производившей ракеты. Ченка встретили радостные возгласы — сегодня его с нетерпением ждали: он обещал внести в машины кое-какие усовершенствования.

— Ну что? Когда же? — слышалось со всех сторон.

— Нет, нет, еще не сейчас. Чуть позже. А как у вас?

— Работаем, как всегда — с воодушевлением, Ченк, — ответил, улыбаясь, старый механик Ван.

Ченк решил воспользоваться тем, что Ван был когда-то знаком с Ренцем.

— Ты слышал печальную новость, Ван?

— О смерти Ренца? — механик покачал головой. — Слышал, слышал... Почему же никто не знал, что он так тяжело болел? Мы узнали об этом только из бюллетеня Комитета решений.

— Нет, Ван. Это неправда, — твердо сказал Ченк.

— Что? Что неправда? — несколько землян приблизились к ним.

— Ренц умер не от болезни. Он сам убил себя.

— Как убил? Сам? Что ты говоришь, Ченк?

— Да. Отравился страшным ядом.

— Почему же? Что произошло?

Из широкого раструба одна за другой вылетали блестящие ракеты.

— Все объясняет радио-письмо, которое он записал для меня, должно быть, за несколько минут до смерти. Он умер, испугавшись неволи на новой планете, куда мы собираемся перелететь.

— Неволы?

— Я и сам об этом думал!

— И я, я тоже опасаюсь!

— Ну дальше, дальше. Говори!

Ченк спокойно выслушал эти возгласы. Затем:

— Перед смертью Ренц умолял землян не покидать Землю. Создать новое Солнце.

— Новое Солнце?

— Новое Солнце, говорите?

— Безумие какое-то! Он, видать, сошел с ума!

— Нет, он был вполне нормален. Новое Солнце — совсем не блажь. Ну, прощайте. У меня нет больше времени.

Его пытались задержать, без конца расспрашивали, но они с Юмом ушли с завода.

— Посмотрим, — задумчиво сказал Юм. — Посмотрим, к чему они придут. Первое зерно брошено.

— Да, интересно! Какие сделают выводы, какие будут последствия... Сейчас лечу известить Центральную станцию оповещений. К вечеру весть о самоубийстве Ренца должна обежать Землю. У нас очень мало времени.

— А я — к себе, в лабораторию. Будь здоров!

Грусть сердце шемит:

— Солнце! Песня!

П. Тычина

Ченк искренне обрадовался, встретив в большом концертном зале Юма. После неосторожной шутки Итты он никак этого не ожидал.

— Хорошо, что пришел. Через десять минут начнется, — обратился к нему Ченк.

— Хочу отдохнуть. Но почему ты так встревожен? Отойдем на минутку, ты еще успеешь рассказать.

Они направились к небольшим боковым залам: в огромном круглом центральном зале, вмещавшем несколько тысяч землян, было слишком шумно.

В дальнем уголке синей комнаты Ченк мгновенно изменился. Он тяжело опустился на диван и закрыл рукой глаза.

— Говори же, Ченк! Что произошло?

И тогда тихо, медленно, будто подбирая слова, Ченк поведал, что известие о самоубийстве Ренца, которое они (они сами!) сегодня распространили по миру... что это известие вызвало страшные последствия... Земляне словно бы внезапно вспомнили, что у них есть и другой выход — смерть! В течение всего дня поступали сообщения о самоубийствах, грозивших приобрести массовый характер. В предсмертных радио-записках все самоубийцы поминали Ренца — неволю — Солнце.

— Постой! Пусть Комитет своей властью лишит землян права распоряжаться собственной жизнью.

— Поздно... Дисциплина рухнула с первых минут. Подобное распоряжение было отдано, но не возымело никакого действия. Какое-то безумие охватило умы. Поздно, Юм...

То был первый за недавние века случай нарушения абсолютной дисциплины. До сих пор никто и помыслить не мог нарушить приказы свыше. Но взрыв массового помешательства уничтожил всякий порядок.

Овладев своими стальными нервами, Ченк уже спокойнее продолжал:

— С шести часов Комитет начал распространять волны бодрости, но надежды на успех мало, совсем мало.

— Это жестоко — но, может, оно и к лучшему. Так они быстрее поймут, что нужно действительно искать другой выход, — сказал Юм.

Обычное желтоватое освещение всех залов внезапно сменилось фиалковым — знаком начала концерта.

— Пойдем в зал, Ченк! Мне кажется, волны все же помогли: погляди, какие спокойные лица.

— Спокойные? Они еще не знают...

В центре огромного зала находилась невысокая круглая эстрада, накрытая прозрачным, заостренным вверху куполом. Хрупкие стенки купола, сквозь которые еле различалась какая-то тень, переливались миллионами невиданных красок и оттенков. Незаметные просветы, похожие на щели, усеивали весь купол. По стенам зала, на уровне голов присутствующих, тянулся густой ряд регуляторов, рефлекторов, вентиляторов, поглотителей, которые должны были равномерно волнами разносить запахи по залу.

В глубоких, мягких креслах медленно затихала многотысячная толпа...

Свет меркнет... Полная тишина...

Переливающийся купол засиял теперь всеми оттенками, какие только могла создать поразительная техника землян... Стала ясно видна стройная фигурка внутри... Итта протянула руку к радио-вещателю, и в зале послышался ее звонкий голос:

— Мелодия ясной бодрости.

Легкий шелест и снова тишина.

Итта коснулась клавиатуры...

Едва слышные сладковатые розовые ароматы легкой струей полетели в зал. А вдогонку им уже неслись бодрые, оживленные разноцветные волны, как будто перепрыгивая друг через друга. Горькие красные ароматы соперничали с тонкими, тускло-синими и сплетались в ритмичном танце в красочные ароматические узоры.

Итта подняла руки — короткая пауза — и тысячи поглотителей вдруг стерли все ароматы, погасили их красочные волны. В чистом воздухе снова вновь полилась мелодия, прорезая темноту острым лучом и окутывая усталые нервы обонявших причудливой дымкой покоя и забвения.

Итта доиграла... Перерыв.

Через несколько секунд вспыхнул ослепительный свет, и веселая толпа двинулась в призальные комнаты.

Ченк и Юм жадно прислушивались к казавшемуся беззаботным смеху вокруг, внимательно всматривались в спокойные лица... Они не верили этим лицам. Неужто волны бодрости и удивительные, волшебные ароматы пленили волю и нервы измученных землян? Надолго ли?

Но, проходя мимо незнакомых девушки и юноши, они слышали разговор, глубоко взволновавший обоих.

— Не верите? — спрашивал мужской голос.

Пауза.

— Смотрите же! — и он положил на ее ладонь маленькую прозрачную ампулу.

Девушка вскрикнула и резко отбросила ее.

— Теперь, — с нажимом сказал юноша, — теперь вы мне поверили? Говорю вам, только этот концерт спас меня. Итта гениально играла сегодня.

Больше они ничего не услышали. Юм лишь заметил, как девушка низко склонила голову и сжала руку юноши.

Они молча пошли дальше.

В комнате Итты они увидели нескольких ее поклонников. Те весело болтали и горячо поздравляли Итту с успехом.

— Вы даруете нам величайшее эстетическое наслаждение, — говорил один.

— Вы возносите наши чувства на недостижимую высоту, — с пафосом перебивал второй.

— «Вы, вы, вы»... — шутливо повторила Итта, — все вы мне надоели.

— Надеюсь, что не все, — весело сказал Ченк и приветливо поднял руку...

— А... и Юм! Здравствуйте!

— Я зашел, чтобы отдать дань вашему необычайному мужеству, вашему героизму... — сказал Юм.

— Мужество?.. Героизм?.. О чем вы?

— Да, Итта, мы пришли поблагодарить вас. В такую страшную минуту вы нашли в себе силы для радости. Более того, вы нашли в себе силы поделиться радостью с нами...

— Меня удивляет какая-то торжественная трагичность в ваших словах. Нет, правда, понравилась я вам сегодня?..

Ченк ласково улыбнулся ей.

— Ах, женщина! Всегда ты одинакова. Понравилась и ты, и твои мелодии, и настроение, и результат... Все, все.

— Опять не понимаю — какой результат? Ну ладно. Угощайтесь.

Она пододвинула к ним поднос, на котором лежали небольшие разноцветные пластинки.

— Я сегодня в философском расположении духа, — с улыбкой заметил Юм. — Даже эти фрукты навевают значительные мысли.

— А именно? — заинтересовалась Итта.

— Да вот, вы едите эти ананасы или апельсины и не задумываетесь, из чего они сделаны. Правда? Разве вы не помните, что мы научились получать из земли, из неорганических веществ то, что входило в состав живых растений, и эти пластинки по своему вкусу, запаху, консистенции и химическому составу абсолютно такие же, как их живые предки?..

Вы представляете себе, Итта, — продолжал он, — какое наслаждение должны были чувствовать земляне в прошлом, когда срывали с дерева сочные, живые плоды, взлепянные жарким солнцем?

Итта на миг задумалась. Потом весело:

— Теперь понимаю, почему у вас сегодня такое трагическое настроение. Вы жалеете нас, несчастных — ведь нам не приходится за каждым апельсином карабкаться куда-то на дерево, и мы можем спокойно, сидя в комфортабельном кресле, есть...

— ...Его суррогат, — закончил Юм. — Закройте глаза, Итта, и слушайте... На берегу синего, такого синего, что наши глаза ослепли бы, моря растут деревья с зелеными листьями, с прекрасными цветами. Вы же знаете: на деревьях блестели сочные листья... кругом цвели красочные цветы... и сияло Солнце ...

— Довольно сантиментов, Юм! Речь идет не об о ананасах, но о нашей жизни! — перебил Ченк.

— Снова какой-то трагизм! Ну, объясните же мне, Ченк, чтобы я хоть что-то поняла! — уже раздраженно воскликнула Итта.

— Так вы не знаете? — с бесконечным удивлением посмотрел на нее Ченк.

Только сейчас они с Юмом осознали причину ее спокойствия, и шуток, и бодрой музыки... Несказанное сожаление стиснуло их сердца. Рассказать все? Или утаить? Они неловко молчали.

— Ну же!

Кто-то из присутствующих сказал:

— Им, видимо, неприятно говорить о грустном здесь, на радостном концерте, когда все на минуту смогли забыть об этом ужасе...

— Скорее!

— Не волнуйтесь, Итта, — сдержанно сказал Ченк. — Дело в том, что известие о самоубийстве Ренца...

— Как так самоубийстве? — глаза Итты широко раскрылись.

— Да, он сам лишил себя жизни. Вы не слышали? Тоска по Солнцу, ужас перед неволей...

— Неволей там, на чужой планете. Мольба о Солнце, о новом Солнце... Таковы были его последние слова... Эта весть разнеслась по Земле и вызвала страшную эпидемию самоубийств.

— Мольба о новом Солнце, — тихо повторила Итта.

— Комитет мудрых решений принимает меры, но против такого взрыва массового помешательства даже он бессилен. Своими чудесными мелодиями вы сегодня сделали куда больше, Итта, и мы пришли поздравить, поблагодарить вас.

Итта стояла, низко склонив голову.

— Неволя... смерть... призрачные мечты о новом Солнце... — горько дрогнули уголки ее губ.

Желтоватый свет вдруг вновь сменился фиалковым — начиналось второе отделение.

— Итта, мы надеемся на ваше мужество, мы уверены, что вы... — но Итта махнула рукой и не дала Юму договорить...

В зале снова меркнет свет... Опять загорелся многоцветными переливами прозрачный купол... Зал затих...

Голос Итты негромко бросил в зал:

— Без названия... Импровизация...

Заинтригованные ряды расцвели улыбками, люди шепотом перебросились несколькими словами и притихли... Лишь Ченк и Юм напряженно ждали...

В зал сразу полились контрастные, острые запахи, с силой хлестнувшие по нервам. Они все нарастали, тревожили... звали куда-то и, вдруг обрываясь, до предела напрягали эмоции. И, снова тихие, грустные, невыразимой печалью заливали душу... Тоскливо смотрели глаза обонявших... Еще минуту назад спокойные, беззаботные, они тотчас замерли, и только глубокие вздохи время от времени нарушали тишину. Итта играла... Глаза ее застилал туман, и где-то вдалеке перед нею колыхались смутные, скорбные тени... Она знала, что то были несчастные, гибнущие в безнадежных поисках спасения... Им — все мысли, все порывы, для них — эта прощальная мелодия... Воплощенные в ароматах, в зале трепетали страх, ужас и отчаяние — отчаяние безудержное, безвыходное... Итта ничего не замечала, лишь все чаще — все затрудненней вздымалась ее грудь... И — больше нет сил! — она упала головой на клавиатуру... случайно погасила свет... В неожиданной темноте повисла та же мертвая, недвижимая тишина.

И тогда откуда-то издалека приблизилось и возвысилось до крика смертельной боли бессильное рыдание... Голос Итты, глухой и подавленный, умолял спасти, поддержать, даровать силы...

— Свет!

— Свет, скорее свет!

— Что вы делаете?

— Где ты?

— Тише!

— Свет! Дайте свет!

И когда равнодушно-яркий свет снова желтоватым потоком залил зал, никого в рядах нельзя было узнать. Расширенные глаза, бледные лица, головы, низко склоненные

на грудь, нервные, беспокойные движения... Сознание страшной неизбежности овладело всеми...

— Пойдем, Юм!

— Разве ты забыл, Ченк: когда погибает корабль, капитан покидает его последним?

И они остались до конца...

Они видели, как нервными шагами быстро выходила толпа... Но некоторые недвижно сидели в креслах. Их молча обходили и — скорее дальше... Никто ничего не спрашивал... Лишь бы скорее...

Юм мрачно стиснул руки. Твердо смотрели его глаза, и только ослепительный огонь в них погас. Он знал, что в креслах остались мертвые... что случилось ужасное... что обонявшие не выдержали чрезмерного нервного напряжения, вновь испытали забытое было отчаяние и — последовали за Ренцем.

— Какая жуть, Юм! И все это мы...

— Ты говоришь, жуть? Да, произошла страшная вещь, — задумчиво сказал Юм. — А что будет на той планете? Может, члены Комитета хоть теперь это поймут.

— Нет, я уверен, что они обратят дело против нас.

— Может, и так... Посмотрим. А теперь пойдем к Итте. Бедняжка — она, видимо, совсем потеряла власть над собой.

Ченк повел Юма прямо к артистической, где надеялся найти Итту. В больших залах и маленьких боковых комнатах не было ни души. Только кое-где чернели застывшие фигуры. Даже здесь из уютных уголков выглядывала смерть. Друзья шли молча. Они не оборачивались, не смотрели по сторонам и — кто знает? — быть может, и впрямь не замечали жестокого лика смерти. А может, страстное стремление выжить и победить овладело всеми их мыслями.

— Кажется, сюда, — и Ченк вопросительно постучал.

Ответа не было. Юм решительно рванул дверь, и они вошли.

В тускло-розовом свете сперва ничего нельзя было разглядеть. Затем на невысоком округлом куполе, служившем одновременно и стенами, и потолком, проступили едва

заметные огоньки — словно розовые жемчужины, сиявшие тоскливым полусветом.

— Итта, — тихо позвал Юм.

В углу, на диване, что-то пошевелилось. Итта лежала, уткнувшись лицом в мягкие подушки. Они присели рядом, и Ченк, ни о чем не спрашивая, стал гладить ее руку. От тихой ласки слезы неудержимо брызнули из глаз Итты.

Они пытались успокоить ее, говорили, что пик тревоги и ужаса миновал, что теперь будет легче. Но Итта не слушала и лишь тихо твердила сквозь слезы:

— Это я, это все я наделала! Понимаете — я!

— Если уж искать виновных, то скорее виноват я. Вы-то, вспомните, ничего не знали и дальше, я уверен, играли бы так же беззаботно, если бы я ничего вам не сказал, — успокаивал ее Ченк. — Но и я не чувствую себя виновным. Скажу прямо — я не понял вас, Итта. Я думал, вам известно все, и ваше мужество поразило меня. Когда я увидел, что ошибся — было поздно.

— Поздно! — Итта саркастически улыбнулась. — Знайте же, до сих пор я жила одной только верой, что несу землянам радость и покой. В этом была моя цель... вы убили мою веру одним ударом. И каким жестоким ударом!.. Теперь, после того, что случилось, я потеряла последние силы и бороться, и жить. А вы еще удивляетесь!

— Что ж, можно и удивляться. Понимаете ли, Итта, я тоже потерял свою единственную веру, которую разделял с вами — но вот, как видите, живу, ибо нашел себе иную, — сказал Ченк.

— Иную веру? Где же вы нашли ее?

— Мне подарил ее Юм.

— Юм?

— Да. В его величественной идее, что позволит землянам остаться на Земле, я обрел спасение. Для себя и для всех. Я поверил в это, и никогда еще жизнь не была для меня так дорога!

Итта слушала. В ее распахнутых глазах метались смятенные мысли истерзанного разума.

— Но как вы могли поверить в такую безумную идею?
— нерешительно спросила она. — Остаться на Земле! А Солнце?

— А Солнце создам я!

— Вы шутите, Юм.

— Какие же шутки! Моя идея — настолько ясная, логическая и математически выверенная, что не поверить в нее может лишь тот, кто не желает ничего знать.

Склонившись над столом, он несколько минут что-то чертил и объяснял Итте.

— Так вот, Итта, кроме этой идеи, Солнца и врагов, у нас с Ченком нет ничего. А бороться вдвоем...

— Нет! Не вдвоем — я с вами! Я хочу быть *in eurem Bunde der Dritte**. Согласны? Или новое Солнце, или... смерть этих несчастных требует расплаты.

Юм и Ченк радостно сжали ее руки.

— Пойдем, мы и так задержались здесь. Что вы хотели бы взять с собой? — спросил ее Ченк.

Она обвела взглядом комнату.

— Ничего. Видите, сколько здесь разного оборудования для создания настроений? Вот проволока покоя, здесь аппарат грусти, там — смеха. Теперь они мне не нужны. Бывало, мне перед концертами часто приходилось создавать у себя искусственные настроения. Конечно, для нас, актеров, это серьезное подспорье, но больше оно мне не требуется. Отныне у меня всегда будут силы, вдохновение...

Внезапно она смолкла и с грустью посмотрела на Юма.

— Что с вами?

— Может быть... может, в вашем деле мое искусство ни к чему?

Ченк и Юм наперебой стали доказывать ей, какое весомое значение могут иметь ее концерты для распространения новых идей. Оба говорили с таким искренним пылом, что Итта наконец повеселела.

* Здесь: «Третьей в вашем союзе» (нем). Цитата из баллады И. Ф. фон Шиллера (1759-1805) «Порука».

— Ну, будет, будет! Уже верю, что нужна, что без меня и Солнце ваше — или же наше — не загорится.

Ченк внимательно посмотрел на Юма.

— Боюсь, вы зажжете и другое солнце.

— И что тогда?

— Юм, того и гляди, забудет о первом...

— О, нет! — чересчур горячо запротестовал Юм.

Итта пристально посмотрела на него.

Ченк поднялся. Надо идти. Завтра они соберутся, чтобы выработать план борьбы. Теперь уже поздно, да и оставаться здесь нельзя. Им следует быть осторожнее. Вокруг враги...

Итта первой вышла из комнаты, но тут же отпрянула — у дверей мелькнула какая-то серая тень и исчезла.

— Видели?

— Кто это?

— Я не разглядела. Но нас подслушивали!

— Нужно это учитывать. Как видно, агенты Комитета не дремлют.

Все спит еще: небо
и звезды немые.
Светает...

П. Тычина

ледный рассвет вставал над призрачным городом. Черное небо начинало светлеть. На фоне его проступали гигантские абрисы солнечных рефлекторов. Ни единый луч не отражался в них. Над горизонтом медленно всходила темно-красная масса угасающего Солнца. Земляне давно уже привыкли глядеть на него невооруженным глазом. Кое-где тлели огненные провалы еще не потухших громадных вулканов. Солнце с трудом поднималось над Землей, бросая свои старческие лучи на блестящую поверхность миллионов рефлекторов... Непослушные звезды не боялись его болезненного света и насмешливой толпой усеивали полнеба.

...Серебристая капля поднялась откуда-то с земли и стремительно полетела на восток. Блестящий аэро отважно разрезал воздух, спеша навстречу Солнцу. А через несколько минут с того же места снялся второй аэро, выкрашенный защитной краской. Он пролетел вслед за первым несколько километров и медленно растаял в воздухе — стенки, покрытые каким-то сложным веществом, с такой силой отражали лучи, что сам аппарат становился совершенно невидим.

Заложив руки за спину, Ченк расхаживал по своему кабинету. Иногда подходил к большой карте на стене, напряженно, задумчиво всматривался в нее и снова без конца по диагонали мерил шагами комнату.

План вырисовывался со всей ясностью.

Пора было отправляться во Дворец решений.

Ченк вышел на балкон, где всегда стояло наготове его аэрокресло. Машинально нажав на кнопки, он мягко поднялся над улицей.

Почти никто не заметил, как Ченк вошел в Зал мудрых решений. Но докладчик, увидев его, резко оборвал свою речь и удивленно обернулся к Председателю.

Ченк, казалось, не обратил на это никакого внимания, спокойно поздоровался и сразу попросил слова.

— Я считаю, уважаемые собратья, что ошибка — не преступление. Я пришел к вам с покаянием. Пришел, чтобы работать с вами, вернуться на завод. Прошу вас разрешить мне испытать на заводе изобретение, которое я собираюсь на днях подарить землянам. Эта новая конструкция носа обеспечит ракетам мягкий удар о поверхность планеты.

Неловкая минута; Председатель будто не замечает. Затем, вежливо:

— Мы с большой радостью приветствуем перемену в вашем образе мыслей, Ченк. Но, может быть, вы объясните нам, в чем состоит ее причина?

— Да, вы имеете право, уважаемые собратья, требовать объяснений, имеете все основания не доверять мне...

— О, нет, нет!..

— Почему вы отрицаете? — улыбнулся Ченк. — Это только справедливо. И я должен все объяснить вам. Меня глубоко ранили тысячи самоубийств, вспыхнувших вследствие нашей ошибочной агитации. Я понял их как протест, как решительное несогласие с нами. Море крови, пролитой по нашей вине во имя бесплодной идеи, вернуло меня обратно к вам, на завод, к любимой работе.

Вновь заговорил Председатель:

— Мы верим вам, Ченк! Мы просим вас вернуться на завод. И ваша работа, ваш проект станут для нас лучшим доказательством того, что ошибка — не преступление.

На другую сторону земного шара перелетел отважный аэро. Там, где волнистой полосой с юга на север начерчен хребет Уральских гор, он остановил лет над небольшой долиной и, как сокол, спикировал вниз. Прикрепился к высокому шпилю на крыше удивительного дома. Плотные металлические жалюзи со всех сторон закрывали крышу и стены. Итта и Юм вышли из аэро на маленькую площадку, которой заканчивался шпиль, обвитый винтовой лестницей.

— Как холодно здесь, Юм.

Она огляделась.

Неподалеку, стиснутое серыми скалами, пряталось мертвое замерзшее озеро. Под грубой коркой льда, сковавшей его, не чувствовалось ни малейшего биения жизни. В полутьме небольшой дом с высоким шпилем и тяжелыми железными веками на закрытых окнах казался сказочным, замороженным.

— Подождите минутку, — сказал Юм и быстро побежал вниз по винтовой лестнице.

Итта стояла, кутаясь в меха. Ветер остро покалывал лицо иголочками мелкого снега. Она напряженно всматривалась в темноту, и вдруг яркий свет вспыхнул у нее под ногами — Юм зажег в доме электричество и разом поднял все металлические жалюзи. Итта стала осторожно спускаться по незнакомой лестнице.

Хотя дом уже долгое время пустовал, он совсем не походил на заброшенное жилье — благодаря своему сложному строению и воздушным каналам стены не пропускали холод. Дом, как громадный термос, поддерживал температуру, установленную здесь Юмом несколько месяцев назад. Неутомимые пылеуловители и вентиляторы очищали воздух.

— Это, Итта, комнаты, где я живу, а на втором этаже моя лаборатория. Я провел в этом доме почти всю жизнь. С тех пор, как у меня возникла идея построить Солнце, я работал тут до изнеможения, до беспамятства.

Они долго сидели в его кабинете, и Юм рассказывал, как жил здесь, как работал. Потом он повел Итту в лабораторию и показал ей все устройства и аппараты. Стены ла-

боратории были увешаны огромными картами неба и земного рельефа с какими-то сложными пометками.

Несколько дней они осматривали окрестности, обдумывая детали своего плана. Поблизости не было солнечных рефлекторов, и лишь на горизонте они местами посверкивали, как отблески пожара. Поэтому здесь, в горах, было холоднее, чем в городе, и почти совсем темно.

Юм остался один. Еще вечером Итта полетела в соседний город, где должен был состояться большой концерт. В этих местах она имела грандиозный успех. Задолго до появления Итты о ней слышали, много говорили и, если бы не принятые Советом меры — безусловно, с большой охотой настраивали бы радио-приемники на волны ее концертов, долетавшие с обратной стороны Земли. Но Совет останавливал волны, и далеко они не распространялись. Вот почему с таким волнением, с удвоенным интересом тысячами сходились теперь земляне на ее концерты и жадно ловили своими радио красочные волны.

Юм был один. Среди высоких гор, где они поселились, он продолжал свою работу. В глубоких расщелинах просверливал скважины, доставал из самых недр земли какие-то маленькие комочки и бережно относил их в лабораторию. Там он долгие вечера просиживал над ними. Исследуя их состав в поисках способа высвободить атомную энергию, Юм проводил затем сложные опыты. Некоторые комочки превращались в пар и исчезали, оставляя несколько калорий тепла. Другие зажигались бледным светом. Юм с досадой отбрасывал их и искал... искал.

Сегодня он нашел залежи новой породы, которые давно уже разыскивал. Осторожно спрятал драгоценные комочки и направился к дому.

...А к тому месту, где он каждый день упорно работал, украдкой подобрался кто-то и начал шарить вокруг. Нашупав в полутемной расщелине новую скважину, неизвестный раздраженно выругался: с ума сошел этот Юм, что ли? Без толку сверлит ежедневно какие-то дырки — может, там, в земле, ищет солнце? И как бы подсмотреть, что он потом делает в своем кабинете?..

Итта возвращалась с концерта, внимательно управляя своим маленьким аэро. У нее были прекрасные известия для Юма. Сегодня в городе, где она играла, ее встретила ликующая толпа. Они кричали ей о новой радости, о любви к Земле и новом Солнце, все время о Солнце. Ее на руках сняли с аэро и внесли в зал. Никогда еще Итта не играла с таким подъемом... Она вложила столько бодрости в мелодии ароматов и красок, что сама под влиянием их радовалась, смеялась и была счастлива, как дитя. Скорее бы к Юму...

Но что это? Прямо под окном лаборатории притаился чей-то защитного цвета аэро. Кто-то осторожно заглядывает в комнату. Юм, должно быть, весь ушел в работу... Жаль, что ее аэро летит так высоко. Резко вниз — поздно. Увидел и исчез.

Ченку надоело делать вид, будто он не замечает недоверчивые взгляды и плохо скрытую вражду. Иногда хотелось даже открыто бросить им в лицо правду, осыпать всех проклятиями и остаться в одиночестве. В одиночестве... Окруженный бесчисленным множеством врагов, без помощи,

без всякой поддержки, он вряд ли сумеет довести свое дело до конца...

Последние несколько дней он пытался выгадать время, чтобы побыть одному и проверить свои достижения. Для опыта нужно было изготовить совсем маленькую ракету. Это можно было сделать на ручных станках в мастерских. Станки такой конструкции способны были менять силу давления, сверлить, резать, паять, клепать — словом, делать что угодно под умелой рукой мастера. Ченк не мог самостоятельно изготовить подобную ракету: это навлекло бы на него подозрения. Нужно кого-то подыскать... Он тормозит все дело...

Тут он вспомнил — мастерскими заведует Ван, старик-механик, который всегда так ласково улыбался ему. Со дня катастрофы Ченк его не видел.

— Здравствуй, Ван! Летим на тот свет, что ли?

— Может, кто и полетит. А мне лететь некуда.

— Что так?

Ван сурово взглянул на него.

— Мой сын убил себя, разве не знаешь? Странно! Девушка, любившая сына, рассказывала мне, что вы с Юмом слышали их последний разговор на концерте ароматов. Она даже винит вас в том, что вы не остановили его...

Ченк хотел было возразить, что юноша находился тогда в хорошем настроении, но острый взгляд старого Вана заставил его промолчать.

— Я останусь с ним здесь.

— Послушай, Ван, — тихо сказал Ченк, — я тоже останусь.

— Ты?

— Да. Мы создадим новое Солнце и останемся на Земле.

— Опять ты за старое, Ченк! Брось уже, — горько усмехнулся Ван. — И тебе спокойнее, и нам лучше. По крайней мере, нечего будет беспокоиться за жизнь близких. И... кто поверит тебе теперь, раз ты трудишься здесь на благо Совета?

— Ты ошибаешься, Ван. Хотя я и работаю на заводе — я все же против Совета.

И Ченк рассказал донельзя удивленному Вану, с какой целью вернулся на завод.

Ченк не ошибся. У Вана осталось в жизни единственное желание — сделать так, чтобы смерть его сына не была напрасна. Лучшего соратника он не мог бы найти.

После этого разговора Ченк ежедневно заходил в мастерскую, где умелые руки Вана трудились над маленькой моделью ракеты. Ночи напролет Ченк просиживал в своем кабинете, заканчивая чертежи тех незначительных изменений в конструкции носа ракеты, которые должны были решить дело. Ракете предстояло глубоко врезаться в твердую массу и там взорваться. Такое задание поставил перед ним Юм.

Как-то под вечер в кабинет Ченка зашел Ван и с волнением сообщил, что ракетка готова. Вместе они вышли и сели в небольшой аэро.

А через несколько минут Ченк стоял у аппарата и посылал изолированную радиоволну Юму, который жадно вслушивался в каждый звук.

— Модель изготовлена. Испытана. Отправляю. Готовлю тысячу. Вскоре перешлю.

Юм ходил по комнате, то и дело поглядывая на дверь. Вошла Итта. С неудержимой радостью он бросился ей навстречу, схватил за обе руки, побежал к столу. Там, на грубом стекле, сияла ослепительной искоркой крошечная пылинка.

— Я нашел, Итта, — наконец смог произнести он.

Итта не сводила глаз с искорки.

— Скорей бы!

Юм понял — она хотела, чтобы Солнце угастро быстрее; тогда они зажгут новое — оно уже у них в руках. Не где-то

в формулах, на бумаге — нет, здесь, перед ней, сияла маленькая пылинка нового Солнца!

Несколько минут спустя он уже спокойнее рассказывал:

— У меня есть еще одна радостная новость. Ченк, как мы договаривались, отправил нам модель ракеты. Только что я нашел ее с помощью устройства радио-управления, она уже в нашей зоне, и я сам руковожу ее полетом. Ченк довел ее только до барьера, поставленного Советом. Я перехватил ее, и теперь она — наша. Через несколько часов мы сможем, наконец, провести последнее испытание. Хотя после этой искорки оно меня не страшит. А что у тебя?

Итта коротко рассказала о концерте и вспомнила, что, подлетая, видела кого-то у дома.

— За нами следят! Вот болваны! — захохотал Юм. — Хотел бы я, чтобы сегодня ночью, когда мы будем проводить наш эксперимент со скалой, они увидели все.

— Я убеждена, что увидят.

И пал огонь: расцвел
и вспыхнул — воды закипели.

П. Тычина

ал высшей мысли... Снова тайное заседание. Узкий круг собравшихся с нетерпением ждет Хронса. Что удалось ему увидеть? Какие известия привезет он сегодня?

Когда Хронс наконец вошел, все вскочили с мест и бросились к нему.

— Что? Что?

Хронс начал рассказывать. Как всегда, он старался подчеркнуть свою роль. Смотрите, — словно говорил он, — какой из меня вышел замечательный шпион! Но на сей раз ему действительно было чем гордиться.

Он побывал там, где среди высоких гор Юм и Итта занимались своей удивительной работой. Он рассказывал о концертных успехах Итты, о бодрости и радости, овладевших противоположным полушарием. Говорил о непостижимых опытах Юма, смысл которых ему, Хронсу, удалось разгадать.

Он сутками следил, не спал много ночей. И однажды...

— Подлетев снаружи к окну лаборатории Юма, я увидел на столе какую-то маленькую яркую пылинку. Юм, как безумный, носился по комнате и ерошил волосы. «Солнце! Солнце!» — шептал он. В тот день я неотступно следил за ними. К вечеру Итта вышла из дома и долго внимательно прислушивалась. Вдруг весело засмеялась и крикнула: «Юм, быстрее! Она летит!» Я увидел маленький блестящий предмет, похожий на наши ракеты, который послушно спускался вниз. Он прикрепился к шпилью на крыше, и те двое наперегонки помчались по винтовой лестнице на небольшую площадку. Я успел хорошо разглядеть предмет — да, это была маленькая ракета, вполне напоминавшая наши, только нос у нее был иной, с каким-то причудливым при-

способлением на конце, похожим на винт.

— Гм... — пробормотал Председатель, — удивительно! Нос, говорите?

Кто-то воскликнул:

— Говорю вам, здесь безусловно замешан Ченк.

— Ну конечно. Он ведь и у наших ракет теперь меняет носы.

— Что такое? — удивился Хронс.

— Об этом после. Продолжайте, — прекратил разговоры Председатель.

— Освещая себе путь фонариками, они прошли по хорошо знакомой им тропинке (сколько раз они проходили там? я прямо утомился) к замерзшему горному озеру. В одном месте скала острым углом низко нависает над льдом. Тихо посоветовавшись о чем-то (я не расслышал, потому что отошел подальше от озера: кто мог знать, что они собираются делать?), они встали напротив этой скалы. Затем Юм настроил устройство радио-управления, и ракета, отделившись от шпилья, молнией пронеслась надо мной, с силой ударилась о скалу и — взорвалась. И тогда... — Хронс помедлил, переводя дух, — скала над озером засияла, как маленькое солнце, но такое ослепительное, что всем пришлось закрыть глаза руками. «Победа!» — закричал Юм. Однако удар ракеты сдвинул скалу. Внезапно она закачалась и с шипением и грохотом упала в озеро. Лед быстро растаял, а над озером поднялось облако легкого пара.

Хронс закончил.

— Что же это было?

— Я полагаю, что они нашли способ растапливать камни.

— Уверен, они хотят зажечь и уничтожить Землю. Помните, не Ченк ли говорил здесь когда-то, что смерть, дескать, лучше того плена, каким грозит землянам перелет?

— А вы не слышали, Хронс — они еще упоминают имя Ченка? Или же он все-таки порвал с ними? — спросил Председатель.

— О нет! Ченка они упоминают на каждом слове. Он, без сомнения, с ними заодно!

Ракета взорвалась, и скала над озером засияла, как солнце.

— Тогда единственное, что мы можем сделать, это сейчас же вызвать сюда Ченка. Пускай он объяснится.

И Председатель соединился с заводом.

— Передайте Ченку, чтобы он немедленно приехал во Дворец мудрых решений. Его ждут. Что вы сказали? Улетел?! Куда? Как? Захватил с собой тысячу новых ракет? На восток?

Некоторые советники вскочили с мест и стали испуганно спрашивать друг друга: «Что такое? Кто?»

Председатель побледнел и тяжело опустился в кресло.

— Он бежал от нас... Мы сами виноваты.

К нему подскочил Хронс.

— Мы быстро поймаем его. Это глупость! Я знаю направление. Сейчас нацупаю его... По моему мнению, Ченка нам придется просто убить, а ракеты вернуть назад.

— Постойте, сперва найдите, а потом решим, что делать.

Хронс закрыл глаза и всю силу мыслей и воли сосредоточил на одном — найти в безграничном пространстве точку, откуда излучалась умственная энергия Ченка.

— Нашел! — вдруг радостно воскликнул он и пояснил: — Юго-восток, пять тысяч метров над землей.

Все остальные также закрыли глаза, стиснули руками виски и с нечеловеческим напряжением направили волю и мысль в далекие просторы.

— Ченк, ты утрачиваешь волю! Ченк, ты лишаешься разума! — размеренно скандируя, произнес Председатель.

Близятся мощные силы:
Мрак... Ужас...

П. Тычина

Ченк летел в своем аэро на высоте пяти тысяч метров, а за ним серебристым облаком неслась тысяча ракет. Да-

леко внизу кое-где посверкивали солнечные рефлекторы, и желтоватое пламя вставало в небе над большими городами. Ченк с волнением размышлял:

«Уже близится граница воздействия Совета. Еще несколько сотен километров. Бедный Ван! Он сделал все, чтобы помочь нам! И так мечтал полететь вместе со мной, увидеть, как загорится новое Солнце. Но на всякий случай он должен был остаться. Теперь я могу быть спокоен, меня не заметили, и вскоре я буду недоступен для Совета...»

Ченк хотел сообщить Юму, что уже он близко, но вскоре, наладив связь, почувствовал какую-то непонятную слабость в мыслях. Непокорные его воле, они вязли в мелочах, а важное, главное он никак не мог вспомнить. Хотел было напрячь волю, но и она почти не подчинялась. Нервные спазмы сжимали горло.

«Юм, я погибаю! Они убивают меня!» — собрав последние силы, успел напряженно подумать Ченк и в беспамятстве упал на зыбкий пол аэро. Спазмы железными когтями впивались в горло, сердце постепенно останавливалось...

А на востоке мечами блещет гнев!..

П. Тычина

Итта подошла к Юму и тихо положила ему руку на плечо.

— Юм, ты спишь? Бедный, так устал, — и она тихо села рядом на диване.

Ее мысли замкнулись в привычный круг — Солнце, ракеты, Ченк. Ченк... что-то ударило по нервам.

— Юм! — громко вскрикнула она. — Юм, с Ченком беда! Я услышала его мысль: «Погибаю, они убивают меня». Он

кричит, просит спасти его, слышишь?!

Юм тотчас вскочил.

— Спаси! Ты же знаешь, Итта, — наша воля бессильна против коллективной воли Комитета, а может, и не одного только Комитета, но и всего южного полушария. Но у нас есть сторонники. Надо объединить их волю.

Итта спокойной походкой пересекла комнату и в укромном уголке кабинета села перед небольшим аппаратом. Привычным усилием сосредоточила все мысли, сконцентрировала всю энергию на одном — пробудить в умах приверженцев волю к борьбе за жизнь Ченка, за судьбу тысячи ракет, что спасут Землю.

Стальное, непреклонное выражение медленно исчезало из ее глаз, и несколько секунд спустя она уже вздохнула полной грудью.

— Знаешь, Юм, я даже не ожидала такой единодушной многомиллионной поддержки. Мне кажется, что не только у нас, не только на этом полушарии откликнулись на мой внезапный призыв. Показалось, будто издавека, с враждебного юга, нахлынули дружественные волны.

И через несколько минут в безграничных просторах завязалось сражение: там боролись две воли.

Одна из них с жестким, непоколебимым упорством требовала гибели разума, свободы и жизни одного человеческого существа, в тот миг державшего в своих руках судьбу целой Земли, судьбу нового Солнца и всех землян. Покорная ее приказу, жизнь отступала от слабого тела. Смерть овладевала им...

Вторая воля несла жизнь, вливала бодрость, разбивала могучим напором вражеские ряды.

Долго боролись в смертельной схватке две напряженные коллективные силы.

И наконец...

В Зале высшей мысли строгий и хмурый Хронс вдруг как-то криво усмехнулся.

— Собратья! Может, позволим Ченку жить? Может, действительно лучше остаться здесь, на Земле? Пускай попробуют...

Некоторые тоже улыгнулись, слушая его. Усталая воля не выдержала напряжения. Советники покрепче озабоченно воскликнули:

— Берегитесь! Нас одолевают!

Но было поздно. Первая волна слабости охватила всех, и советники были не в силах восстановить утраченную ими упорную концентрацию.

...Где-то в далеких просторах Ченк облегченно вздохнул. Угроза миновала. И вновь твердая рука уверенно повела аппарат на восток, к освобождению, к новому Солнцу.

— Ну а теперь, Ченк, ты обо всем нам расскажешь, — сказал Юм, опускаясь в мягкое кресло, когда на следующее утро Ченк, отдохнув от пережитых волнений, как всегда спокойный и энергичный, вошел в его кабинет.

— Да, борьба идет упорная, и я могу рассказать вам много интересного. Солнечный совет вместе с Комитетом препятствуют, как только могут — отбирают право высказывания у наших агитаторов, принудительно изменяют направление их мыслей... Как видите, они сражаются всеми запрещенными нашим Великим договором способами. Да, они творят немало позорного, но пока что на нашей стороне меньшинство, и мы вынуждены терпеть, молчать и таиться.

Далее Ченк поведал, что ряды сторонников непрерывно растут. Важную роль сыграли концерты Итты, волны которых все же доходили до земель, несмотря на бесчисленные препятствия. Их жадно ловили, напряженно слушали. Все это создавало болезненные настроения, работа на заводах замедлилась, земляне растерянно искали выхода. Совету нелегко было управлять такой дезорганизованной массой. Работники мало-помалу утрачивали веру в осмысленность своего труда, и это усугубляло тревожные настроения. В последнее время, буквально всякий раз, когда земляне сменялись у машин, Совет распространял повсюду прину-

дительные волны энергии, веры и желания трудиться.

— Сплошь и рядом можно сейчас увидеть следующую картину: работнику пора идти на смену, но под влиянием агитации ваших, Итта, концертов, он не находит в себе энергии стать к машине. В это время поступают принудительные волны Совета, и у работника начинается тяжкая внутренняя борьба воли. Иногда, обессиленный, он остается дома и тяжело заболевает. И это не единичные случаи. А с тех пор, как Комитет объявил окончательный план и выработал порядок перелета, наших сторонников стало еще больше.

— Так что же, в этом плане имеются какие-то изменения по сравнению с тем, что нам известно? — спросила Итта.

Ченк кратко пересказал им последний план Комитета.

В назначенный час все должны собраться у ракет, взяв с собой минимальное количество вещей. В каждую ракету будет загружено определенное число герметично закрывающихся стеклянных ящиков, из которых выкачают воздух. Эти устройства предназначены для анабиоза. Совет называет их «камерами», а среди рядовых землян кто-то бросил словечко «гробы», и теперь оно широко распространилось. Землю разделят на многочисленные районы, и жителей каждого из них будут по очереди замораживать в «гробах» и крупными партиями немедленно отправлять на чужую планету.

В каждой ракете останутся на вахте, не в состоянии анабиоза, двое-трое землян. Через год, медленно нагрев камеры, они должны будут разбудить нескольких своих спутников, а сами займут их места. Таким образом, все земляне достигнут другой планеты, не постарев; к тому же, в каждой ракете будет кому разбудить остальных по окончании путешествия.

— Погоди, — перебил Юм. — Для нас важнее всего, когда именно должны вылететь эти ракеты.

— В извещении сказано так: первая партия вылетит через полчаса после того, как погаснет Солнце. Анабиоз требует пяти часов — следовательно, первая партия будет заморожена еще до угасания Солнца.

— Значит, их мы, скорее всего, не успеем спасти, — с грустью сказала Итта. — А сколько землян включает каждая партия?

— Миллион. Неужели здесь, у вас этого не знают?

— Может, уже знают. Но мы с Юмом в последние дни так заняты работой, что не имеем даже времени прослушать последние новости.

Затем Ченк подробно остановился на маршруте перелета. Низко склонившись над большой картой, все трое внимательно рассматривали путь, по которому в последний раз должны были пролететь земляне.

— Предполагается, — объяснял Ченк, — что в пути может возникнуть необходимость где-то остановиться. Для этого избран Сатурн. Маленькие луны, недавно образовавшиеся из его прежнего круга, еще не остыли; кружась вокруг материнской планеты — Сатурна, они на некоторое время смогут заменить бедным землянам утраченную Землю.

— Вот видите, — взволнованно вставил Юм, — как близки наши идеи!

— Близки и вместе с тем бесконечно далеки, — тихо добавила Итта

— Что тут скажешь, — продолжал Ченк, — они также пытаются сделать свой план по возможности привлекательным, убедительным. Они считают, что в путешествии землян может подстерегать немало неожиданностей, не исключено, даже катастрофических. Какими бы опытными и уверенными в себе ни были их астрономы, все же внезапную смену космических условий, какой-нибудь великан-метеорит они предугадать не в состоянии, а это может погубить все дело. Чтобы предотвратить это, они оборудовали ракеты устройствами, позволяющими изменять направление и скорость полета; вдобавок, теперь решено связать их на время путешествия радиоволнами. Поэтому действовать они будут абсолютно согласованно.

— Не понимаю, — резко сказала Итта, — просто не понимаю, как, имея перед собой два предложения — наше и Совета — земляне еще могут колебаться? Но все же я глу-

боко убеждена, что первый же луч нашего Солнца обеспечит нам полную победу.

Тысяча блестящих ракет стояли наготове в боевом порядке. Ченк в последний раз обходил их длинную шеренгу. Все было готово. Каждая ракета несла заряд таинственного вещества, которое должно было, разложив атомы, воплотить в жизнь «фантастический» проект.

Заботливые руки Ченки поверяли сложные механизмы. Каждый винтик, каждое колесико работали с математической точностью. Нет, ошибки быть не могло! Только бы Совет не опередил... Ченк в последний раз оглядел свое творение. Отлитые из ценных твердых металлов, вооруженные защитными панцирями, предохраняющими от трения и нагревания, 1000 сигаровидных ракет ожидали приказа к взлету.

Юм и Итта склонились над огромной картой звездного неба. Карандаш Юма бродил между названиями звезд, порой останавливался, чтобы подчеркнуть какое-либо из них, и снова продолжал свой путь. На листке бумаги с расчетами, лежавшем рядом, несколько цифр были подчеркнуты красным.

Карандаш вдруг прервал свой запутанный путь и между созвездиями Большой Медведицы и Полярной звездой уверенная рука поставила точку.

— Это направление — цель, — сказал Юм. — Здесь она будет через 38 часов. За полчаса до этого нужно пустить ракеты, тогда в данной точке они встретятся с нею.

Он увидел Ченка и твердо, подчеркивая слова, сказал:

— Маршрут вычислен, направление установлено точно. Юго-запад, 35° , под углом $77^\circ 2''$ к горизонтали, через 30 минут.

Больше не было произнесено ни единого слова. Ченк и Юм вышли из лаборатории, а Итта осталась у аппарата, чтобы принимать известия с другого полушария. Новости сообщал Ван. И новости эти были тревожными. Совет упорно продолжал работу. Каждый район Земли был снабжен необходимым количеством ракет. Они также стояли наготове в полном порядке. Было уже известно, когда всем землянам предстоит занять места в ракетах. Времени оставалось мало. Скорее, скорее...

Завеса черно-сизая
полнеба молча объяла.
Земля оделась тенью...

П. Тычина

Напеваем,
звонами встречаем
День!
День!

П. Тычина

Комитет мудрых решений назначил час, когда должна была собраться для анабиоза первая партия землян. Беспокойные, взволнованные толпы сновали по улицам, и какая-то неуверенность ощущалась в последних приказах. Когда агенты сообщили, что полный комплект землян для первой партии вряд ли удастся собрать, Комитет известил, что в первую группу приглашаются добровольцы, чей мужественный пример пробудит в землянах чувство долга и дисциплины. Комитет больше всего тревожил заметный рост веры в новое Солнце. О нем толковали теперь везде, его обсуждали открыто и настойчиво. Председатель Комитета

буквально не выходил из Дворца и говорил, говорил, говорил... Бесчисленные маленькие волны разносили его слова по миру. Но от надоевших слов отмахивались, их почти никто не слушал. Это были избитые слова все о том же: долг, спокойствие, дисциплина.

Близился последний день. Комитет связался с вражеским полушарием и договорился, что в эти заключительные дни будут сняты барьеры воздействия воли, мешавшие Комитету агитировать (теперь уже приказывать), управлять анабиозом, подготовкой к отлету и так далее. Это решение было весьма на руку Юму, который тоже искал возможности сказать всему миру, что его Солнце победило.

И вот спешно, опережая друг друга, зазвучали приказы, призывы, предписания.

В своих громких, возвышенно-бодрых бюллетенях Комитет извещал, что через несколько часов первую партию начнут готовить к отлету. Постоянные сообщения о ходе этого сложного процесса позволят всему миру следить за первым отважным шагом. В первой партии должны были лететь несколько членов Комитета; с них и начнется анабиоз и прочие приготовления.

Мрачные и суровые, слетались земляне к огромному ракетодрому. В основном это были только зрители — немногие решились лететь первыми. Аерокресла собирались в воздухе небольшими группами, и обеспокоенные земляне вполголоса обменивались впечатлениями.

— Смотрите, эта длинная шеренга улетающих похожа на какую-то жалкую процессию, и мы, провожая их, тоже невесело выглядим.

— Что же тут удивительного? Поглядите на небо: в такую жуткую бездну от хорошей, как говорили когда-то, жизни не полетишь.

Некоторые машинально посмотрели на небо. Оно было темным, почти черным. Одинокие звезды, светившие собственным светом, мерцали вдалеке и печально шурили глаза. Солнце умерло, и только в гигантские телескопы иногда еще можно было увидеть, как сквозь плотную завесу густого тумана пробивается свет редких взрывов солнеч-

ных кратеров. А невооруженному глазу Солнце виделось теперь как чуть заметное, огромное, желтоватое пятно, тускло освещенное мириадами звезд Млечного Пути. Солнце покорно отражало их свет. С болью склоняли головы приговоренные земляне.

Где-то далеко, в тайных закоулках разума, все еще теплилась слабая надежда — найти другой выход, спастись как-то иначе — и невольно снова и снова возвращалась мысль — Новое Солнце! И почему сейчас, именно сейчас о нем нет никаких известий?

И словно в ответ на эти беззвучные вопросы прозвучала бодрая весть.

— Слушайте, слушайте! Несколько часов назад мы послали ракеты к Новому Солнцу. Они зажгут его и дадут вам яркий солнечный свет. Не покидайте Землю! Через четыре часа загорится наше Солнце!

— Слышите? — робко спрашивали друг друга.

— Да! Нельзя лететь, пока не убедимся.

— Четыре часа можно подождать.

Так говорили вокруг. Члены Комитета хорошо понимали опасность этих разговоров — абсолютный подрыв дисциплины, проявление полного недоверия к Комитету. С этим необходимо бороться, прекратить решительно, сразу.

— Земляне, — твердили советники. — Не станем слушать троих безумцев, которые обманывают и смеются над вами в последние ваши часы на Земле. Если бы они действительно могли создать свое призрачное Солнце, то почему не сделали этого вовремя? Для чего нам ждать четыре бесполезных часа? Мы предлагаем решительно и настойчиво продолжать начатое дело. Вера в детские сказки позорна для нашей высокой культуры. Вычисления наших астрономов точны — пора в путь!

Советники с возмущением увещевали землян. Но решительное, единодушное: «Нет, подождем четыре часа» — было им ответом.

Комитет, несмотря на несогласие масс, решил продолжать дело. Часть приверженцев Комитета во главе с пятью советниками торжественно и степенно проследовали к стек-

лянным «гробам» и спокойно улеглись в них. Ученые за-суетились вокруг.

Через некоторое время мимо взволнованной толпы пронесли первый «гроб», где, покрытое темной тканью, лежало в анабиозе замороженное тело первого советника. Земляне молча, мрачно расступились.

— Суждено ему когда-нибудь ожить? — тихо спросил кто-то.

Печально стояла молчаливая толпа, а мимо один за другим проносили ящики с замороженными и складывали их в ракеты.

Внезапно — громкий крик:

— Смотрите! Метеор!

— Где?

— Да, да! Вот еще!

— Нет, это не метеор! Они держатся одним месте.

— Сколько их?! Смотрите!

К Председателю Комитета подошел Ван. Лицо его сияло неудержимой радостью.

— Нет, это не метеор. Вы знаете это, правда, уважаемый советник?

Тот резко обернулся было к Вану, но снова молча перевел взгляд на небо, где с каждой минутой увеличивалась в размерах новая гигантская звезда.

— Видите, земляне, — крикнул Ван, поворачиваясь к толпе, — видите — запылало Новое Солнце! Наши ракеты достигли цели и мощным ударом, разложив атомы Луны, пробудили его к жизни!

В темном небе близко и ярко пылало вожделенное Новое Солнце. Далеко отступил Млечный Путь, погасли звезды, испугавшись спящего света. Земляне стояли, словно замороженные, не в силах сказать ни слова. Удивленно глядели они на знакомые лица, такие чужие в этом новом, неведомом свете. Большие глаза щурились и не могли толком разглядеть, что творится вокруг.

Затем кто-то тихо сказал:

— А вот, видите, старое Солнце.

— Теперь оно будет нам вместо Луны, а Луна станет Солнцем!

— Прекрасно!

И впрямь, старое Солнце, отражая блеск яркой Луны, само зажглось тусклым желтоватым светом. Оно стало для Земли новой Луной.

Остававшиеся у ракет могли нажать рычаги, и миллион землян покинул бы солнечную торжествующую Землю.

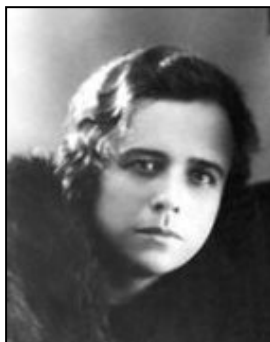
— Нет, это не должно случиться! Спасем их! — кричали вокруг — и рычаги остались недвижны.

В порыве радости никто и не заметил, что одна ракета все же снялась с земли и темной птицей взметнулась в воздух. Непривычные к яркому свету глаза с трудом узнали в ней ракету Комитета. Участники его с глубокой безнадежностью покидали Землю, уходя в неизведанные пространства, ибо свет Нового Солнца был для них хуже смерти — то было их полное поражение.

ОБ АВТОРАХ

Татьяна (1899-1993) и Елизавета (1900-1971) Кардиналовские – дочери генерала артиллерии Михаила Григорьевича Кардиналовского (1868-1917), погибшего на фронте в дни Первой мировой войны.

Татьяна Кардиналовская – педагог, переводчица, мемуаристка. Училась в Киеве на инженерном факультете Политехнического института. Работала в украинской периодической печати, перевела на укр. язык свыше 30 книг. Была замужем за первым председателем Совета министров УНР В. А. Голубовичем (1885-1939), с 1924 г. – за писателем и литературным деятелем С. В. Пилипенко (1891-1934). Оба ее мужа были репрессированы; в 1920 г. и сама Т. М. Кардиналовская побывала в тюремном заключении, была освобождена после голодовки.

В период фашистской оккупации Украины вместе с малолетней дочерью Мирталой вызвалась сопровождать старшую дочь Асю, отправленную на принудительные работы в Австрию. Позднее жила в Италии, Англии, США, преподавала русский и украинский языки в Гарвардском и Бостонском университетах.

Мемуарная книга Т. Кардиналовской «Невідступне минуле» была издана в Киеве в 1992 г.; в 1996 г. вышла в Петербурге в переводе на русский язык (под названием «Жизнь тому назад»), в 2004 – в Канаде в переводе на английский (под названием «The Ever-Present Past»).

Елизавета Кардиналовская – писательница, переводчица, график. Закончила Харьковский художественный институт (1930). Работала в украинской периодической печати, публиковалась с 1925 г. Выпустила около 20 кн. стихов и рассказов для детей. Прекратила литературную деятельность в 1934 г. после ареста и расстрела мужа старшей сестры Татьяны, писателя С. В. Пилипенко. Позднее работала художником-оформителем.

Источники

В книгу вошли все выявленные на сегодняшний день научно-фантастические произведения Е. и Т. Кардиналовских. Переводы всех включенных в книгу произведений выполнены по первым (журнальным) публикациям:

Загибель Щасливого Міста. – *Всесвіт*. 1926. № 23.

Помилка. – *Нова генерація*. 1928. № 5.

Сонця! – *Знання*. – 1926. №№ 10, 11, 12, 13-14.

Эпиграфы к повести «Солнца!», взятые авторами из сборника П. Г. Тычины «Солнечные кларнеты», даны в переводах М. Комиссаровой, Н. Ушакова и М. Фоменко. Оригинальный текст повести был найден и возвращен читателям в 2016 г. библиографом украинской фантастики В. Е. Настецким (Киев). Перевод рассказа «Ошибка» был заново просмотрен и исправлен переводчиком специально для настоящего издания.

Оглавление

Гибель Счастливого города. <i>Пер. М. Фоменко</i>	6
Ошибка. <i>Пер. С. Гоголина</i>	17
Солнца! <i>Пер. М. Фоменко</i>	34
Об авторах	85
Источники	87

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.